

Г. ГЛАДКИХ

МАРИЯ ВОЛКОНСКАЯ

Действующие лица

Раевский, генерал в отставке, 60 лет. Высокий, седой, в очках.
Раевская, его жена, 55 лет.

Мария, их дочь. Более высокого, нежели среднего роста. Брюнетка с горящими глазами, с несколько вздернутым носом. Худошава, постоянно щурит глаза. Говорит медленно. Гордая, но плавная походка. Получила прозвание «Ла филле ду Ганге» — «дева Ганга».

Александр, ее брат, 28 лет. Худошавый, длинноносый, небольшая голова, широкий тонкогубый рот, маленькие изжелта-карие глаза. Выражение лица саркастическое.

Катерина, ее сестра, 30 лет.

Волконский, генерал-майор, 37 лет. Высокий, сероглазый. На продолговатом лице темно-русые усы и борода. Говорит грассируя.

Софья, его сестра, 30 лет. Болезненная.

Николай, монарх, в первые годы своего правления, 30 лет.

Чернышов, генерал-адъютант, 38 лет. Его фигура говорит о том, что родился он для походной жизни, но стечение обстоятельств последних лет жизни заставили его заниматься кабинетной работой. Это не могло не сказаться на его когда-то изящной, теперь полнеющей фигуре. Внешние данные: тонкий нос, широко расставленные глаза. Моложав, но видны черты сановитости.

Пушкин, он таков, каким его знает мир в 27 лет.

Волконская Зинаида, поэтесса, московская красавица, 30 лет.

Цейдлер, иркутский губернатор, около 50 лет, немец. Невысок ростом.

Беглый.

Жандарм.

Действие происходит сразу после декабрьского восстания 1825 года на Сенатской площади в Петербурге.

ЧАСТЬ I

Дорога уходит вдаль. А над ней в поднебесье ветер гонит облака. Им холодно, потому и прячутся они друг за друга, создавая толчею в небе.

А на земле, словно соревнуясь с небом, метель тоже устроила снежную толчею. Гуляет ветер по вольной воле, свистит соловьем-разбойником или завоет голодным волком. Сердито шарахнется в окна домов, либо гулким шагом домового пройдет по крышам, то хлопнет дверью и забарабанит по тесовым заборам... Только здесь, в этой комнате, тепло, только здесь светло, да не уютно: холодом веет от этого тепла, и холод этот проникает в сердце, ртутной тяжестью растекается по жилам.

Картина первая

Небольшая комната, где можно вести следствие.

Чернышов. Имя, отчество?

Волконский. Сергей, сын Григория.

Чернышов. Сколько лет от роду?

Волконский. Тридцать семь и четыре месяца с половиной.

Чернышов. На год моложе меня. Веры какой?

Волконский. Православной.

Чернышов. На проповеди бывали ежегодно?

Волконский. Да.

Чернышов. Вы присягали на верное подданство ныне царствующему государю императору Николаю I?

Волконский. Присягал.

Чернышов. Непонятна мне ваша позиция, совсем непонятна. (Пауза.) Где воспитывались?

Волконский. В родительском доме.

Чернышов. Назовите вашего наставника.

Волконский. Иностранец Фриз.

Чернышов. Какие из предметов были у вас любимопочитаемые?

Волконский. Занимался более теми науками, которые приготавливали к военному искусству.

Чернышов. Не приходилось ли слушать сверх того особых лекций?

Волконский. Не приходилось.

Чернышов. Не назовете ли своих учителей, у которых вы приготавливали себя к военному искусству?

Волконский. Основной учитель — это поле сражения, и вы об этом сами хорошо знаете.

Чернышов. А где заимствовали вольнодумные мысли? (Пауза.) Тоже на поле сражения? (Пауза.) Наверно, мысли передаются от человека к человеку?

Волконский. Несомненно.

Чернышов. Не могли бы вы назвать те лица, кои

явились причиной вкоренения вольнодумных мыслей?

Волконский. Выветрились из памяти.

Чернышов. Вы полагаете — нам не удастся услышать эти имена? (*Молчание.*) Ну, а если высочайший комитет потребует от вас откровенного признания?

Волконский. Причиной вкоренения вольнодумных мыслей является убеждение собственного разума. Может, должен даже нести ответственность за их распространение!

Чернышов. Понесете, в этом можете не сомневаться. (*Пауза.*) Когда вступили в службу?

Волконский. С пятого по одиннадцатый год вместе с вами был волонтером в кампании против неприятеля.

Чернышов. Как жаль людей, кто кровь свою проливал за царя и отечество, а теперь... через свое заблуждение...

Волконский. Это не заблуждение!

Чернышов. За что-либо в штрафах бывали?

Волконский. Бывал.

Чернышов. За что?

Волконский. В балагурстве был замечен вместе с вами! В гробах по Черной речке плавали, генерал-адъютант! Были арестованы на трое суток без взноса в формуляр.

Чернышов (*неловко чувствует себя*). Под судом бывали?

Волконский. Нет. А ныне по высочайшему повелению арестован в Умани седьмого января и прибыл в Петербург четырнадцатого сего 1826 года.

Чернышов. Говорят, ваша жена в трудном положении? (*Пауза.*) Когда вы узнали о тайном обществе?

Волконский. О каком?

Чернышов. О том самом, которое готовило покушение на августейшую фамилию его императорского величества.

Волконский. Мне общество это неизвестно.

Чернышов (*улыбнулся*). Все возможно. И каковы его намерения?

Волконский. Мне общество это неизвестно.

Чернышов. Я помогу вам вспомнить. Вы вступили в него в 1820 году в Тульчине. Так или не так?

Волконский. Зачем себя утруждать вопросами, если знаете все?

Чернышов. Заранее приносим свои извинения за некоторое беспокойство, которое причиняем своими вопро-

сами. С вашего разрешения, позвольте узнать, с какого времени Южное общество, к коему принадлежали вы, вознамерилось ввести в России республиканское правление посредством революции?

В о л к о н с к и й. Датируйте любым годом.

Ч е р н ы ш о в. С вашего позволения, я вновь повторяю этот вопрос...

В о л к о н с к и й. Не знаю!

Ч е р н ы ш о в. Что вам известно о намерении этого правления? *(Пауза.)* Вспомните. *(Пауза.)* Ах, память, память, подводит в самом неподходящем месте. *(Пауза.)* Сергей Григорьевич! Я повторяю тот же вопрос.

В о л к о н с к и й. Намерение одно: на место власти деспотов поставить право человека!

Ч е р н ы ш о в. Именно тогда вы и посягнули на жизнь священных особ императорской фамилии? *(Пауза.)* Кто наиболее стремился к этому? *(Пауза.)* Кто? *(Пауза.)* Высочайше учрежденный комитет требует от вас откровенного признания. *(Пауза.)* Кто наиболее стремился к этому исполнению? *(Пауза. Звонит.)*

Входит ж а н д а р м.

Сменить костюм.

Волконский и жандарм уходят.

И м п е р а т о р *(входит в потайную дверь)*. Ну?

Ч е р н ы ш о в. Запирается, ваше величество.

И м п е р а т о р. Мне известны действия полковника Чернышова в Польше. Они были смелы и решительны до дерзости. В свое время в его руках побывали все секретные документы Наполеона, причем некоторые из них раньше, чем прочтет их сам Бонапарт. Полковник Чернышов сумел склонить последнего принца Швеции выступить на стороне коалиции Наполеона...

Ч е р н ы ш о в. Ваше величество...

И м п е р а т о р. Мой покойный брат Александр произвел полковника Чернышова в генерал-адъютанты. Я доверил ему вести очень важное следственное дело. Я возлагал на него большие надежды. Неужели я ошибся в выборе данной кандидатуры?

Ч е р н ы ш о в. Я, ваше величество...

И м п е р а т о р. Князя Волконского посадить в Алексеевский равелин или где угодно, но так, чтоб о его приводе не было известно.

Чернышов. Слушаюсь, ваше величество.

Император. Ни одного протокола очной ставки!

Чернышов. Слушаюсь, ваше величество!

Император. И требовать, чтоб все рассказал нынче. Непременно нынче! Иначе будет закован! *(Так же быстро уходит, как и вошел.)*

Чернышов *(если до сего времени вел разговор, как бы играя, то теперь мгновенно собрался, резко прошелся по комнате, вернулся к столу, позвонил)*.

Входит жандарм.

Арестанта номер четыре ко мне!

Жандарм выходит. Входит через какое-то время Волконский, он уже не в форме генерала.

Занавес.

Картина вторая

В доме у Раевских.

Раевский. Надежды возлагал, дочь младшую в жены отдал. А он вот что! Против самого государя! Подумать и то страшно! И кто? Князь Волконский!.. Николай взят в Херсоне, Саша тоже... Сыны мои думать против царя не могут, не только что выступать...

Входит плачущая Катерина, за ней Раевская.

Катерина. Мишу моего тоже...

Раевский. Орлова?

Раевская. Ничего, Катя, ничего, дочка, всевышний не оставит нас без милости своей, не оставит!

Раевский. Сыны мои не в состоянии ни говорить, ни мыслить против правительства.

Катерина. Папа, иди к самому царю! Скажи, что это ошибка.

Раевская. Да, надо ехать! Царь тоже отец, он поймет.

Раевский *(прислушивается)*. Мне показалось, Николенька проснулся. *(Раевской.)* Пойди посмотри.

Раевская. Он поймет, он тоже отец... поймет.

Раевский. Перед Марией с такими глазами не показывайся.

Раевская. Утром опять требовала послать за Волконским.

Раевский. Надо как можно дольше чтоб она не знала про мужа.

Раевская. Пять недель как родила и все с воспаленными мозгами лежит...

Катерина. Мама, вроде и в самом деле проснулся Николенька.

Раевская. Иду. Ноги только вот плохо слушаются.

Раевский. Софа, ты у меня всегда была...

Раевская. Была и остаюсь... *(Уходит.)*

Катерина. Я не могу поверить в это, папа.

Раевский. Я тоже не верю, но два сына и два зятя там...

Катерина. Говорят, в Сашином деле замешана графиня Воронцова. Из-за ревности граф донес на него в полицию...

Раевский. Связался с этим Пушкиным!..

Катерина. При чем здесь Пушкин?

Раевский. Он за ней волочится, а Саша у него служит щитом! *(Пауза.)* В семейные дела вмешивать полицию и через это давать им неприятную гласность!

Катерина. Удалил бы от себя. А то... Боже мой, что будет!

Раевский. Разберутся во всем. Правда победит.

Катерина. Как там теперь Миша? По ночам у него мерзнет спина, я всегда накрываю одеялом.

Раевский. Это какое-то недоразумение.

Катерина. Говорят, Волконский запирается, когда все всем известно.

Раевская *(вошла)*. Николенька спит. А у Маши щечки зарумянили.

Катерина. Наверно, температура?

Раевская. Как приедешь, так и скажи: ты тоже отец, ты должен меня понять, хоть и царь...

Катерина. В отъездное поле вчера ездила. Без Орлова все там не...

Раевский. Да, да, непременно поеду. Я так и скажу ему...

Входит Мария.

Маша! Друг мой! Тебе вредно подыматься!

Раевская *(вместе с Катериной бросилась к ней)*. Господи! Ветром качает, а она вон что...

Катерина. Маша, в постель, в постель!

М а р и я. Катюша...

К а т е р и н а. Сейчас же в постель! Ты что вздумала?

М а р и я. У тебя неприятность?

К а т е р и н а. Нет. С чего ты взяла?

М а р и я. А глаза, у тебя глаза...

К а т е р и н а. А что глаза? Глаза как глаза? Они у женщин всегда на мокром месте стоят. Вчера ездила в отъездное поле, Орлова моего нету... ну, а без него там всякие неприятели, вот я и...

М а р и я. Где же он?

К а т е р и н а. Кто, Орлов-то? У мужчин дорог много...

М а р и я. У вас же был управляющий? Вы что, рассчитали его?

К а т е р и н а. Кого? Ах, управляющего? Да, пришлось. Он хоть и порядочный человек, но все же...

М а р и я. У нас что-то случилось? Папа? Мама?

Р а е в с к и й. Ты еще нездорова, вот и... Прими лекарство и ляг.

М а р и я. Что-нибудь с Сергеем?

Р а е в с к а я. Идем, Маша, идем.

К а т е р и н а. В твоём положении нельзя так волноваться, принимать все так близко к сердцу.

М а р и я. Где он?

К а т е р и н а. Мало где... Вот мой Орлов... все делами занят... государственными делами...

М а р и я. Почему у тебя дрожит голос? Почему?

Р а е в с к а я. Маша, походи и ляг в постель.

М а р и я. Где Сергей?

Р а е в с к и й. В Молдавии.

Р а е в с к а я. У него, слава богу, все хорошо. И ты вон на поправку пошла. Видишь, сама уже ходить стала. А он, слава богу... Хорошо, так и прописал...

М а р и я. Где его письма? Дайте мне их.

Р а е в с к и й. Тебе нельзя сейчас читать, врач запретил.

М а р и я. Сергей что, болен? (Пауза.) Почему вы все молчите?

Р а е в с к и й. Я не молчу, я слушаю, не проснулся ли Николенька. Проснется, а рядом никого.

М а р и я. Рядом с Николенькой кормилица. Но что с Сергеем?

Р а е в с к и й. Новую бригаду получил.

М а р и я. Почему же тогда в Умани прибежал бледный, растопил камин и побросал в огонь какие-то бумаги?

Р а е в с к а я. Пошли, Маша, пошли в постель.

Раевский. Я с вами не был вместе, не знаю.

Катерина. Видно, холодно было, вот он и... а ты вон в каком положении была, перед самыми родами...

Мария. Какого это Пестеля тогда арестовали?

Катерина. Откуда ты взяла?

Мария. Сергей говорил.

Раевская. Может, это какой головорез, прости господи...

Мария. Дайте мне письма Сергея.

Раевский. Машенька, тебе ли не знать военной жизни? Ты же вместе со мной ребенком прошла тысячи километров в походах! Помнишь, сколько трудностей в пути?

Катерина. Некогда, вот он и не пишет. А как освободится, так и напишет, непременно напишет.

Мария. Но мама сказала...

Раевский. Мы с мамой наговорим... скажем и тут же забываем, что говорили...

Мария. Где Сергей?

Катерина. Пойми, военные они... Хоть моего Михаила возьми...

Мария. Что с Сергеем? Он умер?

Раевская. Господь с тобой! Какие слова говоришь!..

Раевский. Немного надо подождать...

Мария. Ты знаешь, папа, есть такие мысли, которые изнашивают и тело и душу. Где он? Я хочу знать!

Раевский. Я уже говорил — в Молдавии.

Мария *(пристально смотрит)*. Это правда?

Катерина. Ну, конечно. Папа неправду никогда не говорит.

Мария. Значит, он жив?

Раевский. С чего ты взяла, что умер?

Мария. Теперь я совершенно успокоюсь...

Раевский. Муж твой при своем месте, отлучаться ему нельзя.

Мария. Да, да, нельзя. Сейчас я пойду и напишу ему письмо.

Катерина. Идем, я провожу тебя. Ты устала, тебе еще рано вставать.

Мария. Как окончательно поправлюсь, мы с Николенькой поедem к нему... *(Схватила за голову, выпрямилась, повернулась к Раевскому.)* Он при своем месте?

Падают. Все суетятся вокруг Марии, уносят. Комната некоторое время пуста. Вбегает Катерина, ищет что-то в шкафчике, входит Раевский, он тоже озабочен поисками, выходит.

Александр (входит). Катюша, ку-ку!

Катерина (оглянулась). Сашка?

Александр. Он самый, как есть собственной персоной.

Катерина. Ты! (Бросилась к брату.) Папа! Саша приехал! Саша!

Занавес.

Картина третья

Та же небольшая комната, что и в первой картине.

Император. Кое-кто бьет челом на генерал-адъютанта Чернышова, будто он мягок в дознании.

Чернышов. Осмелюсь спросить ваше величество о тех лицах, кто недоволен моими стараниями?

Император. Например, Бенкендорф.

Чернышов. Ни сил, ни времени не жалею, ваше величество, но они оказались фанатиками.

Император. Прежде чем приступить к дознанию, следует узнать характер допрашиваемого. Если он философ, изучи все трактаты по философии, с поэтом разговариваешь — сам пиши стихи.

Чернышов. Я, ваше величество, начал с доброты...

Император. Неисправимый социалист-утопист... В сочетании с добротой хорошо помогает железо.

Чернышов. Но Булатов разбил себе голову, чтоб под воздействием железа ничего не сказать.

Император. Прожитые годы не прибавили вам мудрости.

Чернышов. Они же обреченно вышли на Сенатскую площадь...

Император. Они что, самоубийцы?

Чернышов. ...но с желанием войти в историю.

Император. В нее входят по-разному. Они хотели пролить кровь царя и ею записать свои имена в истории. Но пусть теперь проливают свою! Да! Да! Пусть проливают свою!

Чернышов. Но они молчат.

Император. Где показания Пестеля, Рылеева?

Чернышов (*подал листы*). Но не собственноручные.

Император. Почерк их?

Чернышов. Подобран верно.

Император. Теперь пригласите Волконского.

Чернышов звонит. Входит жандарм.

Чернышов. Арестанта номер четыре ко мне.

Жандарм выходит.

Император. Напомните генералу Сукину: цепи с них не снимать.

Чернышов выходит.

Хотят войти в историю. (*Потряс листами.*) Но документы для нее готовят тоже люди! Откуда знать истории, что в моих руках сейчас находятся показания закоперщиков, написанные не их рукой?

Входят Волконский и Чернышов.

Генерал-адъютант может несколько отдохнуть, пока мы тут будем беседовать с князем. Мы ведь с ним были и остаемся на дружеской ноге? Не так ли, князь?

Чернышов постоял, выходит.

Садитесь, князь.

Волконский. Мне положено стоять, ваше величество.

Император. Поверьте, мне тяжело пытаться друзей допросами...

Волконский. Сочувствую.

Император. ...а потому допрос заменим беседой. Прошу садиться.

Волконский сел.

Мне больно видеть тебя без шпаги.

Волконский. Не огорчайтесь, ваше величество, на этом костюме она выглядела бы нелепо.

Император. Меня огорчает не форма: сейчас она на тебе, через час ее не будет. (*Пододвинул листы.*) Огорчает другое. Они вынуждают меня вновь приглашать тебя для разговора. Честно признаться: я не верю этим показаниям: в них есть доля пристрастия. Я знал тебя как честного человека и продолжаю питать надежду, что своим честным признанием ты оправдаешь мои надежды ну и, конечно, себя.

Волконский. Почерк Рылеева мне не известен. А вот Пестель... он так написать... не мог.

Император. Князь, я уважаю твою матушку, твоего тестя, прославленного героя двенадцатого года генерала Раевского. Знаю и тебя и всегда отмечал, что взлета мыслей... Но такого о тебе даже и подумать не мог! Ты меня обвиняешь в подлоге!

Волконский. Я ни в чем вас не обвиняю, ваше величество, просто я хорошо знаю почерк Пестеля, а это написано не им.

Император. Мне жаль, что усугубляешь свою вину. Если от других я требую признания, тебя прошу как благородного человека. (Пауза.) Зря запираешься. Нам давно все известно.

Волконский улыбнулся.

Князь, мне кажется, ты крайне странно представляешь свое положение!

Волконский. Свое положение, ваше величество, я представляю четко и реально. И смотрю на все трезвыми глазами, без заблуждений.

Император. Я снисхожу к тебе, обращаясь с тобой не как с преступником, хотя ты этого заслужил. Я говорю сейчас с тобой, как с товарищем, с которым не раз приходилось участвовать в некоторых весьма интересных кампаниях.

Волконский. Вы человек сугубо гражданский, вам в формуляр не запишешь, потому вы и не плавали в гробу по Черной речке...

Император. Не вынуждай меня изменять к тебе мое отношение. Отвечай искренностью. (Пауза.) Надеюсь, ты догадываешься, что все в моих руках?

Волконский. Догадываюсь.

Император. Могу простить, уверившись, что впредь в твоём лице буду иметь верного слугу.

Волконский. Вы действительно можете все, потому что выше закона. А хотелось, чтоб жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности.

Император. До сих пор с тобой говорил твой товарищ, теперь тебе приказывает твой государь! Рассказывайте все: какие действия тайного общества известны вам?

Волконский. Мне нечего рассказывать.

Император. Не думайте, что нам ничего не было известно. Происшествие 14 декабря было всего лишь

преждевременной вспышкой. Я могу вам рассказать подробности намереваемого цареубийства.

Волконский. К чему тогда повторяться мне?

Император *(вспыхнул злобой, но сдержался)*. И тем не менее я бы вновь рискнул посоветовать вам перечислить имена участников Южного общества! *(Пауза.)* Я жду! *(Пауза.)* Я понимаю, с моей стороны получается несколько назойливым...

Волконский. Вступая в общество, я дал клятву...

Император. Вы присягали?

Волконский. Присягал.

Император. Как же вы посмели нарушить присягу?

Волконский. Честь дороже присяги.

Император. Честный человек сдерживает слово, данное под присягой.

Волконский. Нарушив честь, человек не может существовать, тогда как без второго вполне может обойтись.

Император. Наши предки не щадили себя в неразрывной связи с Русью, а мы попираем этот пример! Вы запятнали честь мундира, опорочили звание дворянина! Вы даже не пожалели честь матери...

Волконский. Ваше величество, мать для каждого — самый высший закон! Не касайтесь его!

Император. Разве после этого в вашем сердце может найти отклик такой призыв: «С нами бог?» Нет же!

Волконский. Эта цель может быть достигнута с помощью войска.

Император. В моей власти все, но я протягиваю руку дружбы. *(Пауза.)* Сергей Григорьевич, сейчас перед тобой вновь Николай Павлович, твой товарищ. Я все время пытаюсь понять тебя и не могу: зачем ты хочешь стать жертвой людей, которые предали и назвали тебя? Зачем? Скажи! Может, я пойму.

Волконский. Не могу быть судьей таких людей. Могу думать только об исполнении своих обязанностей по отношению к ним.

Император. Южное общество хотело заменить самодержавие представительным правлением? Так? *(Пауза.)* Что ты знаешь о Конституции, которую предлагалось ввести в России? *(Пауза.)* За какие действия в обществе отвечал ты?

Волконский. Отыскивал способ уничтожения крепостного права в России.

И м п е р а т о р. Такие тайны, князь, преступно знать одному. Посвятите и нас в них, и мы вместе подумаем, как избавиться от этого зла.

В о л к о н с к и й (*будто не слышит иронии, серьезно*). Это зло можно уничтожить только насильственно.

И м п е р а т о р. В чьи руки, позвольте узнать, вы отдавали топор?

В о л к о н с к и й. Относительно имен клятва заставляет меня сжать мои уста.

И м п е р а т о р. Милостивый государь, помните — в России еще есть и пытки...

В о л к о н с к и й. Я тронут вашей доверительностью, но моя обязанность никого не называть.

И м п е р а т о р. Скажу еще доверительней: мир до сих пор делился на тех, кто убивает и кого убивают. Вы вместе с пока что не названными убийцами хотели уничтожить моего покойного брата...

В о л к о н с к и й. Зачем убивать покойников?

И м п е р а т о р. ...теперь пришла пора моя!

В о л к о н с к и й (*после паузы*). А если я свою честность оберну в донос?

И м п е р а т о р. Доноса не будет: знаешь ты и я.

В о л к о н с к и й. За дверью никто не подслушивает?

И м п е р а т о р (*заглянул*). Никого. (*Сел.*) Ну?

В о л к о н с к и й. Язык не поворачивается.

И м п е р а т о р (*зло*). Обещаю — скоро повернется!

В о л к о н с к и й. Когда в армию привозили розги, я всегда с любовью думал о великодушии нашего государя.

И м п е р а т о р. Зачем дворянскую честь уничтожать розгами?

В о л к о н с к и й. На Руси иногда рождаются люди, которых легче уничтожить физически, нежели сломить духовно.

И м п е р а т о р. Надо полагать — передо мной именно такой человек? (*Пауза.*) Князь, в двадцать четыре года вы стали генералом. У вас княжеские привилегии, дворянское звание! Что вам еще надо? (*Пауза.*) Ваша матушка придворная статс-дама. Несмотря на то, что ее сын находится здесь, она каждый вечер танцует со мной менуэт. (*Долгая пауза.*) Вот уж поистине права госпожа Растопчина: дворянин захотел стать сапожником! (*Засмеялся.*)

В о л к о н с к и й. У сапожников тоже иногда случается живая душа...

И м п е р а т о р. Полно вам, генерал! Поручики куда

выше вас в своем чистосердечии! (Пауза.) На какие войска всего более полагались?

Волконский. Был и остаюсь убежденным: не имею права излагать все это.

Император. Вам было поручено от Южного общества войти в переговоры с Северным? (Пауза.) И вы согласились? (Пауза.) Встать!

Волконский встал.

Как и чем кончились ваши переговоры?

Волконский. Свиданием с вами, ваше величество!

Император. Пестель написал конституцию под именем «Русская правда». В чем заключались ее главные черты?

Волконский. Я не знаю такого сочинения.

Император. Что вас ожидает на том свете?

Волконский. Очевидно, что и вас.

Император. Впрочем, я не хочу вас окончательно губить, я пришлю к вам священника. (Пауза.) Что же вы ничего не ответите?

Волконский. За священника благодарю.

Император. Что заставляет вас так упорствовать?

Волконский. Однажды данное слово.

Император. Вы хотите спасти ваших товарищей. Это похвально, но вы губите свое семейство и себя в том числе. (Пауза.) Повторяю, имена злоумышленников давно нам известны. Единственное желание, которое сейчас движет мной,— это дать тебе возможность облегчить свою участь. (Пауза.) Ловите мгновение, пока я добр!

Волконский. Я дал честное слово...

Император. Что вы мне со своим честным!.. (Звонит.)

Вбегает Чернышов.

Заковать! Да так, чтоб и пошевелиться не смог!

Занавес.

Картина четвертая

В доме у Раевских.

Раевский (читает). «С особенным удовлетворением могу уведомить вас, уважаемый Николай Николае-

вич, что Следственная комиссия, рассмотрев поведение сыновей ваших, нашла их совершенно невиновными...»

Александр. Дальше читайте, дальше!

Раевский. «...непричастными к обществу злоумышленников. Я первый душевно радуюсь, что дети столь достойного отца совершенно оправдались. Препью, впрочем, всегда к Вам благорасположенный император Николай Первый».

Раевская. Значит, Коленька тоже...

Александр. Мама, я же вам сказал: военные дела принудили его вновь вернуться в Херсон прямо из Петербурга.

Раевский. Я же говорил: сыны мои не могут...

Александр. Представляете, граф Витт уведомил Следственную комиссию, будто тайное общество собралось через Раевских, через нас то есть, заразить и Черноморский флот!

Раевская. Клевету-то какую возложили! Прямо креста нет на нем!

Александр. Но по изыскании комиссии оказалось, что Майборода показал это из слов Пестеля. Но Пестель показал, якобы говорил о других Раевских.

Раевская. Бог, он есть. Есть!

Александр. После всего этого мы с Николаем были представлены его императорскому величеству!

Раевский. И что он?

Александр. Обошелся с нами крайне милостиво. Велел передать вам, отец, относительно Орлова: хоть он и виновен и был одним из соучастников этого общества, но не разделял преступных целей.

Раевский. Орлов немало имеет заслуг перед Отечеством!

Александр. Что же касается Волконского...

Раевский посмотрел при этом за дверь.

дело принимает совсем другой оборот. Его величество сказал мне, что он даже не достоин участия, которое мы оказываем ему. Велел предупредить об этом.

Раевская. Отец, что же нам делать?

Раевский. Возлагать надежды на милость и права, которые имеет мать Сергея, придворная статс-дама...

Раевская. Наши просьбы тоже могут облегчить его участь.

Александр. Но его императорское величество предупреждает нас!

Раевский. Сергей в беде, и мы обязаны подумать о его участи...

Александр. Император милостиво предложил мне вновь поступить на военную службу или быть камергером.

Раевская. Катюше сказал бы про Орлова...

Раевский. Как ты воспринял это предложение?

Александр. Пока участь мужей моих сестер не будет решена окончательно, я не могу воспользоваться этой милостью.

Раевская. Господи! Так ведь недолго и навлечь немилость его!

Александр. При этом я сказал далее: не имею никаких опасений относительно моего любезного Орлова. Но не могу сказать того же про Волконского.

Раевская. Он мученик, мы должны любить его.

Раевский. Как реагировал на твои слова его императорское величество?

Александр. Он кивал головой, значит, соглашался со мной полностью. Да иначе и быть не может!

Раевская. Выходит, ты ударил упавшего?

Александр. Я ударил? Я никого не бил! Это он нас всех ударил! Тебя, меня, отца, Марию! Если она узнает о нем...

Раевский. Она пока не выходит из-под власти отца.

Александр. Именно «пока». А если узнает, что тогда? Ее голова может не выдержать.

Раевская. На все воля божья.

Александр. От нас тоже кое-что зависит.

Раевский. Ты что-то хочешь предложить?

Александр. Ее надо увезти в деревню.

Раевская *(смотрит на Раевского)*. А?

Раевский. Александр правильно предлагает. Ее действительно надо отвезти в деревню.

Александр. Чтоб ни одна подруга не навещала ее и распорядитесь всю переписку отдать мне в руки.

Раевский. Я прикажу.

Александр *(взял газету, которую только что читал Раевский)*. Спрячьте, чтоб не попала ей на глаза.

Катерина *(входит радостная, с газетой в руках)*. Идите все сюда. Маша!

Александр. Ты чего раскричалась?

Катерина. Напечатан рескрипт! Моих братьев освободили! Маша!

Мария *(входит)*. Она несколько оправилась от болез-

ни, но все равно чувствует себя еще слабой). У нас что-то произошло?

Раевская. Катерина радуется встрече с Сашей...

Раевский (взял газеты из рук Катерины). Да, это в некотором роде...

Мария. Разве она видит его впервые?

Катерина. И потом мой Орлов скоро вернется!

Мария. Вернется? Откуда?

Катерина. Вот даже в газете... рескрипт...

Александр. Катя, я что-то хотел тебе сказать.
(Уводит Катерину.)

Мария. О каком рескрипте она говорила?

Раевский. Когда в мире происходят катастрофы и их приходится предотвращать, то... по этому случаю всегда...

Мария. Где эта газета?

Раевская. Ни боже мой! Доктор что сказал? Никаких книжек! Переутомлять мозг никак нельзя!

Мария. Папа, где эта газета?

Раевский. Маша, если ты себя не хочешь беречь, подумай о нас, о маленьком Николеньке.

Мария. Разрешите мне самой посмотреть этот рескрипт.

Раевский быстро выходит, Мария — за ним, но на пороге ее останавливает Александр, только что вошедший.

Александр. Маша, как ты себя чувствуешь?

Мария. Спасибо, хорошо. (Хочет пройти, но Александр ее удерживает.) Ты где был?

Александр. В Петербурге.

Мария. Но ты же с Пушкиным был в Одессе? Почему в Петербурге? (Догадывается.) Значит, и Сергей там?

Александр. Не много надо иметь добродетели, чтоб не жениться на тебе!..

Мария. Ты в чем-то обвиняешь его? Но в чем? В чем?

Александр. Его брак — для всех нас обман!

Катерина (входит, слышит слова брата). Саша, что ты говоришь!

Раевская (входит). Ах, как ты губишь свое здоровье!

Александр. Он... он гадкий человек, твой Волконский...

Катерина. Александр! Как ты смеешь! Он в беде, а ты...

Мария. В беде? Значит, этот рескрипт?.. (*Быстро уходит.*)

Раевская. Маша, дочка... (*Уходит за ней.*)

Катерина. Как тебе не стыдно, Александр!

Александр. «Не стыдно!» Влетела, раскричалась про рескрипт, а теперь вот... Она же все равно его прочтет...

Катерина. Зачем же теперь скрывать от нее, когда все равно узнает?

Александр. Тебе, значит, безразлично здоровье сестры? Значит, ты хочешь ее убить?

Катерина. О чем ты говоришь?

Входит Раевский, за ним Мария.

Мария. Папа, я хочу сама прочитать этот рескрипт.

Раевский посмотрел на Александра, пожал плечами, мол, что делать, отдает. Мария пробегает глазами.

Раевская. Если муж скрывает свои дела от жены, какой он муж?

Катерина. Мама!

Мария. Он мой муж! (*Отложила газету.*) Почему же он умолчал?

Раевская. Он не достоин твоей любви! Не достоин!

Мария. Теперь я должна любить его еще больше.

Александр. Он виновен перед всеми нами и в первую очередь перед тобой, а ты... Что ты говоришь?

Раевский. О чем вы все? Маша, прости нас, нам так же тяжело, как и тебе... Что делать, будем ждать...

Раевская. Твои страдания еще больше увеличатся, когда... Ты ведь и сама вон какая слабая...

Мария. Он в Петербурге... Один... Я не знаю за ним никакой вины. Он честен передо мной... Да, честен!

Александр. Он примыкал к заговорщикам против самого царя!

Раевская. Маша, ты погубительница своего здоровья.

Александр. Нет такого ужаса, в котором он не был бы замешан. К тому же он держит себя дурно: то высокомерно, то унижается. В нем каждую минуту открывают ложь и глупость. И за это все его презирают.

Мария. Ему и без того сейчас трудно, а ты...

Катерина. Да, Саша, помолчи лучше...

Александр. Говорят, сейчас он ведет себя как фанатик идей. Но завтра, не ручаюсь, если опять не начнет хныкать.

Мария. Я нужна ему в эти минуты. Я должна ехать...

Раевский. Маша, твое несчастье — наше несчастье...

Мария. Папа, значит, ты!.. Я всегда верила тебе, ты всегда понимал меня... Да, именно я должна ехать...

Раевский. Но тебе надо поправиться. Тогда вместе с тобой поедем.

Мария *(села)*. И тут предательство...

Раевский. Мария! В чем ты меня обвиняешь?

Мария. Ему сейчас облегчение нужно. Сейчас! Хоть на несколько минут! Папа! Ты же генерал!

Раевский. Не поведу же я войско на Алексеевский равелин!

Раевская. Маша, ложись на волю божью. Он обманул нас, твой Волконский.

Мария. Чем? В чем его обман?

Александр. Он отец и должен был думать о будущем своих детей.

Раевский. Почему он через Орлова не сказал нам об этом?

Мария. О чем?

Раевская. Что принадлежал к этой шайке бандитов, когда просил твоей руки...

Мария. Папа, но ты знал об этом? Знал? *(Пауза.)* Почему же согласился на мой брак с ним?

Раевский. Вы сейчас наговорите, что я даже с ними выходил на Сенатскую площадь... *(Пауза.)*

Мария. Но что же делать?

Раевский. Поверь, Маша, его участь вызывает во мне душевное сожаление и гонит из сердца негодование.

Мария. Ты можешь добиться свидания для меня с Сергеем?

Александр. О чем ты говоришь?

Мария. Папа, ты можешь!

Александр. Никогда не видал свою сестру такой легкомысленной, как после болезни.

Катерина. Папа, ты можешь...

Раевский. Я обязан это сделать и не могу.

Мария. Почему?

Катерина. Папа...

Раевская. С самого начала я заподозрила в нем эти бандитские замашки, но промолчала...

М а р и я. Саша, если что возможно сделать в твоих силах — помоги.

Александр отходит.

К а т ю ш а!

К а т е р и н а. Я что? Я только могу с тобой поехать, большего я не могу.

М а р и я. Спасибо тебе и на этом. Только ты одна в эти минуты...

Р а е в с к и й. Ты нас обвиняешь?

М а р и я. Нет, папа. Я ищу поддержки в вас и не нахожу ее. *(Встала.)* Значит, обязана действовать сама!

Р а е в с к а я. Я не пушу тебя! Не пушу!

М а р и я. Я должна видеть его, должна хоть на несколько минут облегчить ему жизнь! Должна! *(Уходит.)*

З а н а в е с.

К а р т и н а п я т а я

Та же комната, где ведется допрос.

И м п е р а т о р *(читает письмо)*. «Государь, по приезде сюда, чтоб быть ближе к мужу, неясные, но печальные известия, какие я получила, истерзали мою душу. Мне известно великодушие Вашего Величества, и я не могу не верить, что муж мой так виновен. Я питаю полное доверие к Вашей справедливости и в особенности к Вашему милосердию. Государь, я стану терпеливо дожидаться исхода этого дела, но вскоре буду вынуждена уехать к моему бедному ребенку, который нуждается в моих заботах. Удостоите меня, Государь, разрешением увидеть моего мужа для того, чтоб я могла увериться в том, какая участь ожидает нас и в чем можно надеяться на Вашу августейшую милость. Смею надеяться, что Вы не откажете усиленным просьбам существа столь несчастного, как я». *(Пауза.)* Как он сейчас ведет себя?

Ч е р н ы ш о в. Молчит.

И м п е р а т о р. Прочтите ему это письмо и на чувства не скупитесь.

Ч е р н ы ш о в. Я, к сожалению, не артист.

И м п е р а т о р. Хотите, чтоб лучшие артисты Петербурга преподавали вам уроки декламации?

Ч е р н ы ш о в. Сегодня утром назвал Трубецкого, Муравьева...

И м п е р а т о р. Любопытно услышать, что он скажет после такого послания. (*Уходит.*)

Чернышов уходит за императором.

Камера. Волконский прикован к стене по рукам и ногам.

Чернышов (*показывает письмо*). Оно долго лежало на виду. Император вовсе не хотел брать. Только не один раз повторенная моя просьба заставила его ознакомиться с его содержанием.

Волконский. Дайте мне его.

Чернышов. Как видите, я до сих пор не потерял к вам уважения. Но вы сами во всем виноваты. Многие из соучастников давно гуляют на свободе. Вам следовало бы у них поучиться.

Волконский. Учиться хорошо, но если останешься всегдашним учеником — это уже плохо.

Чернышов. Молодости всегда свойственно стремиться к свободе. Даже сам император в юности отдал дань вольнодумным мыслям. Но то в молодости. А вы... (*Пауза.*) Если вы рассчитываете, что кто-то узнает о вашей силе воли, — напрасные надежды. Толстые стены не любят выдавать своих секретов. (*Пауза.*) Я не прочел самое главное. (*Читает.*) «Государь, по приезде сюда, чтоб быть ближе к мужу...»

Волконский. Так она здесь? Александр Иванович! Вы отец...

Чернышов. Да, я отец! Но сейчас дело не во мне. Ваша жена днями просиживает перед дверью. Она бледна, видно, сильно страдает. Как вам известно, она совсем недавно встала с постели — сильно болела...

Волконский. Уважьте мою просьбу... Пригласите ко мне императора.

Чернышов. Свою просьбу можете изложить мне. (*Пауза.*) Вы забыли, о чем хотели попросить? Тогда, может, вспомните своих сообщников? (*Пауза.*) Не помните? (*Позвонил.*)

Вошел ж а н д а р м.

Мне кажется, у генерала послабили железа.

Жандарм смотрит недоуменно.

Именно.

Жандарм хлопчет возле Волконского, тот стонет.

Сколько, однако, требуется усилий, чтоб вспомнить.
Волконский й. Воды.

Чернышов (тихо, жандарму). И посолоней.

Жандарм выходит.

Когда было предназначено посягнуть на священных особ императорской фамилии? (Пауза.) Кто из ваших соучастников должен был участвовать?

Волконский (в бреду). Морская вода соленая, вода морская...

Чернышов. И вы сейчас в ней утонете.

Волконский й. Какие волны накатывают одна на другую. Как горбыли. И среди них Пестель...

Чернышов. А кто за ним плывет? Видно?

Волконский й. Я когда-то был неплохим пловцом, а в такие волны... Они накрывают с головой. Вон уже одна накрыла Фонвизина. Сейчас он утонет, если ему не подать руку...

Чернышов. Об этом не беспокойся, мы подадим. Еще кто? Кого еще видите в волнах? Кого?

Волконский й. Туман стоит над морем, какой белый туман! А солнца нету, совсем нет солнца! Сережа и Матвей Муравьевы! Откуда они взялись?

Чернышов. Кто еще? Кто?

Волконский й. Небо и море слились вместе... совсем вместе... Лопухов и Милорадович почему-то плывут за Фонвизиним... Почему они?

Чернышов. Кто еще? (Долгая пауза.) Вы можете утонуть в волнах. (Жандарму.) Привести в чувства.

Жандарм льет воду на голову Волконскому.

Князь, я искренне хочу, чтоб вы поняли свою ошибку.

Волконский приходит в чувство.

Князь, в полях еще пахнет пороховым дымом. Но пройдет немного времени, и мы создадим общество, целью которого будет распространение знаний. И на этой основе сольются все души воедино.

Волконский й. Как же быть с их продажей?

Чернышов. Князь, вы совсем не любите свой народ.

Волконский й. Я-то люблю его, люблю за его славу и могущество, за язык звучный и мощный.

Чернышов. Именно это и заставило вас выйти на Сенатскую площадь?

Волконский. Воин погибает не в постели, а на поле брани во имя...

Чернышов. В гибели можете не сомневаться. Что же касается славы, то о вас никто и не вспомнит.

Волконский. Славы мне не занимать...

Чернышов. Ваша слава дурно пахнет, в ней нет чувства патриотизма к своему Отечеству!

Волконский. Будь на свободе, за такие слова я вызвал бы вас на дуэль!

Император (*вошел*). Князь, вы хотите свидание с женой?

Волконский. Государь!..

Император. Я разрешаю это свидание...

Волконский. Ваше величество, почту этот...

Император. Ввести княгиню Волконскую... Впрочем...

Волконский. Государь, приблизьтесь, я поцелую ваш сапог...

Император. Зачем? Вот лист бумаги, он чистый. Сейчас вам освободят руки, и вы напишете всех участников, которых вы помните.

Волконский. Государь, вы, как и я, отец и муж...

Император. Вы не думали о милосердии, почему я должен думать о нем?

Чернышов. И тем не менее, ваше величество, вы постоянно проявляете это милосердие.

Император. Сколько нужно времени на обдумывание?

Волконский. Видя мое печальное положение...

Император. Вот потому и хочу его облегчить. (*Дает лист.*)

Волконский. Облегчите мою участь хотя бы снятием этих желез, с которыми я почти три месяца неразлучен как ночью, так и днем.

Император. Это в наших возможностях.

Волконский. Окажите снисхождение к моей просьбе.

Император (*держит лист*). Вы все еще в нерешительности?

Волконский (*про себя*). Кого нет дома?

Император. Александр Иванович, в виде исключения зачитайте ему приказ.

Чернышов. Ваше величество, человек он вполне грамотный, позвольте ему самому взглянуть на этот список, тут восьмым князь Волконский стоит. Всем им будет

совершена казнь через посредство отрубания головы.

И м п е р а т о р. Не будем мешать думать. (*Хочет уйти.*)

В о л к о н с к и й. Ваше величество...

И м п е р а т о р. Вы что-то хотите сказать?

В о л к о н с к и й. Скажите, в этом списке есть братья Раевские?

Ч е р н ы ш о в. Они давно гуляют на свободе.

В о л к о н с к и й. Это так?

И м п е р а т о р. Так.

В о л к о н с к и й. Благодарю вас, ваше величество.

И м п е р а т о р. Больше ничего не хотите добавить?

В о л к о н с к и й. Казнь когда?

Ч е р н ы ш о в. Завтра на рассвете.

В о л к о н с к и й. По закону вы не имеете права лишать меня последнего свидания с женой.

И м п е р а т о р. Право и закон в наших руках.

Ч е р н ы ш о в. У вас пока есть время исправить свою ошибку.

В о л к о н с к и й. Свое мировоззрение не считаю ошибкой.

И м п е р а т о р. Учтите, князь, эти пять минут, которые вам дадут на свидание с женой, последние в вашей жизни.

Император, за ним Чернышов уходят.

В о л к о н с к и й (*один*). Раевские на свободе. Они будут жить... Казнят всегда на рассвете... Зачем так? Чтоб душе больней было?.. Человек и вечная ночь... Казнили б ночью... Жить, как хорошо, что они будут жить... Кто же находится вне России? Совсем не знаю... А если вспомню? Скажу? Им же ничего не будет! Прдам тех, кого нет в России!.. И жизнь куплю себе... Но их ведь нет в России! Но кого нет? Маша, моя бедная Маша! Прощай!

А л е к с а н д р (*входит*). Князь.

В о л к о н с к и й. Кто это? Чей знакомый голос? Здесь темно, я ничего не вижу. Подойдите же сюда.

А л е к с а н д р. Видно все, просто вы не хотите видеть.

В о л к о н с к и й. Александр! Друг мой! Ты свободен! Я знаю... Как я рад за тебя. Николай тоже? Что с Орловым?

А л е к с а н д р. Он тоже на свободе.

Волконский. Как это хорошо! А что с Машей? Она здорова? Как Николенька? Говори скорей!

Александр. Князь, я пришел предупредить вас о состоянии моей сестры, а вашей жены...

Волконский. Что с ней? Говорите скорей! Говорите!

Александр. Она приехала в Петербург, чтоб увидеть вас...

Волконский. Маша, родная! Она не забыла меня. Значит, это правда? Мне государь говорил... Она здесь?

Александр. Помните, она больна. Мы отчаивались в ее жизни. Она ослаблена так страданиями...

Волконский. Где она? Где?

Александр. ...что, если вы не принудите себя быть сдержанным, будете говорить о вашем положении, она может потерять рассудок.

Волконский. Вы меня пугаете.

Александр. Я пришел предупредить вас и просить обещание утаить от нее степень виновности, которая тяготеет над всеми нами.

Волконский. Мне разрешено свидание? Разрешено?

Александр. Да, вы не ослышались.

Волконский. Саша! *(Рванулся, но цепи сдержали его.)*

Александр. О том, что здесь было сказано, я прошу не один. К этой просьбе свой голос присоединяет матушка наша, отец, просим все и под мою ответственность. Этого требует ее подорванное состояние здоровья.

Волконский. Мне будет трудно...

Александр. Только такой мерой вы можете сохранить мать вашего ребенка.

Волконский. Александр, вы же знаете, что я...

Александр. Если вы любите Николеньку и его мать, вы обязаны это сделать ради них. *(Пауза.)* Если я не услышу от вас «да», буду вынужден отменить это свидание.

Волконский. Не надо, не делай этого, потому что это свидание... свидание это... не могу... согласен...

Александр. И заставьте тут же уехать к своему сыну и там ждать решения вашей участи.

Волконский. Когда и родственники так... родители... Когда завтра... Где Машенька?.. Я согласен на все, только поскорей пошлите ее ко мне! Поскорее!

Александр шелкнул пальцами. Входит ж а н д а р м. Александр указал на Волконского. Жандарм освобождает его от цепей.

Не целоваться же с женой в цепях.

Александр и жандарм выходят.

М а р и я (входит). Сережа!

В о л к о н с к и й. Маша, ангел мой! (Обнял.)

М а р и я. Лицо у тебя будто в мелу. И волосы.

В о л к о н с к и й. Тебе показалось. Прости меня, Маша. (Встал перед ней на колени.) Прости меня, ангел мой! Я один виноват перед тобой!

М а р и я. Сережа... (Тоже опустила к нему на пол.)

В о л к о н с к и й. Прости мне...

А л е к с а н д р (показался в двери). Говорите по существу.

В о л к о н с к и й. Я виноват только перед тобой одной... Прости меня, поцелуй Николеньку...

М а р и я. Он уже улыбается и меня узнает.

В о л к о н с к и й. Ангел мой, может, это свидание...

М а р и я. Твое спокойствие и твоё мужество придают мне силы. Я благославляю тебя и горжусь тобой!

В о л к о н с к и й. Умереть, оплакиваемый друзьями...

М а р и я. Какие страшные мысли у тебя!

В о л к о н с к и й. И если суждено такое, я молюсь на тебя. Машенька, друг мой, прости меня и прощай.

М а р и я. Сережа, не надо так. Встань.

В о л к о н с к и й. Передай мое глубокое и нежное почтение твоим родителям. Постарайся у них получить для меня прощение и скажи им, что они не могут обвинить меня более, чем я сам себя, за то несчастье, которое я заставил тебя пережить. Наша несчастная судьба тяжела будет для тебя. Для меня она завтра...

Г о л о с. Свидание окончено.

М а р и я. Сережа, что бы с тобой ни случилось, знай — я всюду последую за тобой!

Входит ж а н д а р м.

Я привезу нашего Николеньку и здесь буду ждать приговора! (Уходит.)

В о л к о н с к и й. Вот и все. (Покорно протянул руки, на которые тут же надел жандарм цепи.)

А л е к с а н д р (входит). Позвольте, князь, выразить мою благодарность за такт и твердость, проявленные во время свидания. Жена ваша и ребенок никогда

не будут иметь более преданного, более усердного и близкого для себя человека, чем я. Отец мне поручил заботы о вашей жене, и я просил на мою ответственность скрыть всю тяжесть обвинения. Вы сами своим поведением молчаливо признали необходимость этого.

Волконский. Я выполнил вашу просьбу. Что вы еще хотите от меня?

Александр. Чтоб письменно вы оправдали меня в глазах вашей жены.

Волконский. Зачем вам это понадобилось?

Александр. Чтоб потом она не сделала мне упрек, что от нее была скрыта правда.

Волконский. Правду нельзя скрыть, о ней временно можно умолчать.

Александр. Не откажите мне в этой просьбе. Благодаря дружбе, которую питает ко мне ваша жена, я для нее — большая поддержка.

Волконский. Хорошо. Я выполню и эту вашу просьбу, только поскорей оставьте меня одного!

Александр дал ему лист бумаги, карандаш. Уходит.

Затемнение.

Слышно, как в глубине открылась дверь. Возникает та же перспектива, что и в самом начале: видна толчея облаков, сквозь которые, как зыбкая надежда, пробивается предрассветный луч. Над стоящими на коленях декабристами ломают шпаги. Идет гражданская казнь.

Чернышов (*читает*). «Все подсудимые, без изъятия, по точной силе наших законов подлежат смертной казни».

Волконский (*на переднем плане*). Вот и кончено все земное. Не будет больше этих камер со спертым воздухом, ни Черной речки, по которой всегда в холостые годы плавали... шутили... Мне тридцать восемь... Сегодня исполнилось... Наверно, матушка зажгла свечи... День именин станет днем поминок... В могиле холодно... И черви...

Чернышов (*продолжая читать*). «...Казнь будет совершена через посредство отрубания головы, коей подлежат следующие заговорщики: Рылеев, Каховский, Пестель, Муравьев-Апостол, Кюхельбекер, Бестужев-Рюмин, Трубецкой, Волконский, Фонвизин...»

Волконский. Степан Разин, Емельян Пугачев... Топор... Красная сутана... голова, как у Иоанна Крестителя... в луже крови...

Чернышов. «Первой пятерке, а именно: Рылееву, Пестелю, Каховскому, Муравьеву-Апостолу, Бестужеву-Рюмину казнь через посредство отрубания головы заменится повешением».

Волконский. Машенька сейчас в пути, она встретит Николеньку...

Чернышов (*читает*). «И если установлением разрядов в наказаниях богоугодно будет его Императорскому Величеству даровать некоторым жизнь, то сие будет не действием закона, а действием монаршего милосердия. Из числа приговоренных к каторжным работам восемь преступников, а именно — Трубецкого, Оболенского, Муравьева, Давыдова, Якубовича, Борисова Первого и Борисова Второго и Волконского немедленно отправить закованными в двух партиях в Иркутск!»

Волконский. Значит, я жив? Значит... (*Упал вниз лицом, зарыдал.*)

Предрасветный луч — эта зыбкая надежда — стал несколько ярче.

Занавес.

ЧАСТЬ II

Картина первая

В доме у Раевских проводы.

Александр (*входит вслед за Марией*). Я вынужден говорить о нем, думать о нем, потому что он навсегда разрушил твоё счастье.

Мария. Нет, он сохранил в себе чувство долга и веры. А это луч надежды в моей душе.

Александр. Для счастья одного луча мало, для него подавай целое солнце. А это солнце закатилось в Сибирь! Скоро само обледенеет.

Раевский. Сядь, Маша, вот здесь, рядом со мной.

Мария села.

Он живет не по своей воле.

Раевская (*с завязанной головой*). Он насмеялся над тобой...

Александр. У него есть сын, почему не думал о нем?

Катерина. Сергей в глазах Маши, что Орлов в моих...

Александр. Орлов твой на свободе.

Раевский. В душе моей князь по-прежнему занимает одно из самых лучших мест, я скорблю о нем. Но чтоб жертвовать своей дочерью...

Мария. Папа, но ты уже пожертвовал один раз мной: он был наполовину старше меня, когда выдавали замуж...

Катерина. Маша еще может найти свое счастье в преданности к мужу, в выполнении своих обязанностей по отношению к нему.

Раевская. Катя, что ты говоришь? Он, когда шел на убийство царя, ни о ком не подумал, ни о ней, ни о сыне!

Катерина. Сын найдет покровительство здесь. А муж ее ни от кого не может надеяться на жалость и утешение, кроме нее.

Александр. Твои речи так заразительны, что я не ручаюсь за себя: как бы вместе с Марией не бросился в Сибирь утешать князя.

Мария. Саша, почему ты такой злой?

Катерина. А он всегда был таким, таким и остался.

Раевский. Дети, в такие минуты нельзя ссориться.

Александр. Мое зло направлено на спасение Марии...

Мария. От чего ты меня спасаешь?

Александр. От добровольного заточения в Сибирь! *(Быстро уходит.)*

Раевская *(Катерине)*. Не будь так строга к нему, у него нет семьи.

Катерина. Сам же и виноват.

Раевская. Все от бога, все под ним ходим. Он любит Николеньку.

Катерина. Он так же любит и целует собаку Атиллу.

Мария. Вещи уложены. Где же возок?

Раевская. В вечную зиму! К разбойникам? Не пушу! *(Обняла.)*

Раевский *(все время был ровный, вдруг вскрикивает)*. А все это бабы Волконские!

Раевская. Муж, изменивший семейным узам...

Мария. Он не изменял мне...

Катерина. Я не претендую на роль советчицы, Маша, но если б эта участь коснулась меня...

Раевская. Молчи! Не накликай на себя беду!

Александр (*быстро входит, Марии*). Я завтра уеду в Одессу, ты — к нему в Сибирь. С кем останутся старики?

Раевская. Последнее время голова отца вся запорошилась снегом. В последний путь и то проводить будет некому.

Мария (*метнулась к матери*). Мама! Не надо, не надо! Ну хорошо... Нет, я должна ехать к нему!

Раевский. Поправься как следует, а там дело видно...

Мария. Не могу же одного оставлять в несчастье...

Раевский. Okрепнешь как следует, а весной... съездишь, посмотришь.

Раевская. Он преступник, а с преступниками нам не по пути...

Раевский. Он честно начал карьеру, да закончил вон как...

Мария. Вчера еще вы жали этим людям руки, а сегодня даже боитесь показать своего участия.

Раевский. Приносить себя в жертву — добродетель женщины вообще. И от тебя, Маша, я меньшего не жду.

Мария. Папа, ты понимаешь меня. Ты один всегда понимал меня...

Александр. Но его безнравственность является причиной нашего несчастья.

Катерина. Александр! А нравственно думать только о себе?

Раевская. Он погубитель, этот Волконский!

Раевский. Муравьева уехала — понятно. Но как понять тебя?

Мария. Как, наверно, страдал Сергей, когда узнал о приезде моих подруг по несчастью и среди них не увидел меня.

Раевский. Какую ты можешь оказать ему помощь?

Мария. Для него большое утешение — заботиться о Николеньке.

Раевская. Я не дам его на мученье! Не дам! (*Уходит.*)

Раевский. Мне спокойствие твое и здоровье драгоценны всегда.

Мария. Я хочу разделить жизнь между им и сыном.

Раевский. Это невозможно.

Александр. В твоей голове больше романтических мечтаний, чем истинной преданности.

М а р и я. Преданность проверяется не тогда, когда человеку хорошо, а когда ему трудно и ты хочешь облегчить его существование.

А л е к с а н д р. Удивляюсь, как ты вместе с ними не вышла на Сенатскую.

К а т е р и н а. Как гадко слышать твои речи, Александр!

Р а е в с к и й. Я обманул бы тебя, Маша, если б стал уверять, что свидание с тобой не принесет ему облегчение. Но есть и другие обязательства: ты — мать.

А л е к с а н д р. Она думает, прогулка туда так же будет необременительна, как в Петербург!

М а р и я (*посмотрела на Александра, отцу*). Но вы не оставите Николеньку?

А л е к с а н д р. И потом неизвестно, где он сам будет жить!

К а т е р и н а. Не мешайте ей поступать так, как она хочет. Если мы сейчас ей помешаем, она будет мучиться!

Р а е в с к и й. Мать права, он — погубитель, этот твой Волконский...

М а р и я. Папа, ты никогда не поймешь всю величину той жертвы, которую приношу я. Моя семья, сыгравшая большую роль в этом, теперь отказывает мне в утешении быть тронутой этой жертвой.

Р а е в с к и й. Если только это средство может обеспечить твоё спокойствие, если это необходимо для будущего твоего сына... (*Платок приложил к глазам.*)

М а р и я. Прости, папа...

Р а е в с к и й. Я... я... не могу согласиться на твой отъезд. Я не пускаю тебя... не пускаю...

А л е к с а н д р. Мы не знаем, где он и будет ли вам позволено жить вместе. Он совершил преступление, а ты...

М а р и я. Я — соучастница, я его жена!

Р а е в с к и й. Маша, я люблю тебя. Больше я ничего не могу тебе сказать. Береги сына. Я говорю тебе это...

М а р и я. Папа... ты плачешь?

Р а е в с к и й. Это не первые... и часто мне без них бывает тяжело...

Р а е в с к а я (*вошла, послышался плач ребенка*). Не пускай, отец, никуда не пускай. Надо подчиниться долгу матери.

М а р и я. У меня один долг — быть верной мужу.

А л е к с а н д р. Муж и отец, погубивший жену, теряет право на её сердце. Священные и светские законы уничтожают справедливость вашего брака.

Раевская. Вот слушай брата, разумные слова говорит.

Раевский. Никуда не поедешь! Никуда!

Мария. Почему же так? В прошлом герои вдруг теперь превращаются в зайцев?

Раевский. Я не могу жертвовать дочерью! Не могу!

Мария. Ты уже пожертвовал однажды, когда семнадцатилетнюю выдавал за тридцатичетырехлетнего генерала!

Катерина. Вспомни, папа!

Раевская. Катя! Ты что тут подпеваешь?

Мария. Ты помнишь бой под Дашковой? Твои войска дрогнули!

Раевский. Я не отпускаю тебя!

Мария. Ты взял маленького Николая и вот его (*показывает на Александра*) и один пошел навстречу неприятелю. «За Отечество и детей не пожалею!» — крикнул ты тогда...

Раевская. Но где? Где твой Волконский? Среди разбойников? К ним поедешь?

Раевский. Я тебя не отпускаю!.. Не отпускаю... (*Уходит.*)

Мария. Ну, папа... ну хорошо... я... я останусь, только... (*Уходит за отцом.*)

Раевская перекрестилась, тоже уходит.

Александр (*Катерине*). Как ты можешь поддакивать Маше?

Катерина. Я говорю, что чувствую сама. Если бы случилось такое с моим Орловым, я бы поступила, как и она..

Александр. Ты понимаешь, что говоришь? Нет, ты ничего не понимаешь. У них же там могут родиться дети. Она лишится дворянского звания! А дети и вовсе никакого звания иметь не будут!

Звонок. Катерина выходит, за ней Александр. Возвращаются Александр и Софья.

Ваш приезд, Софья Григорьевна, для всех нас большая неожиданность.

Софья. Что с Машей? Почему о себе не дает знать?

Александр. Прошу.

Софья. Благодарю. (*Села.*)

Александр. При ее состоянии здоровья, сами понимаете... Мы ее оберегаем.

Софья. От окружения, может, и надо оберечь, но от родственников мужа!.. Я не могу не побежать в ее комнату и не поцеловать мою бедную Машеньку. (*Встала, хочет уйти.*)

Александр. Мы выезжали с ней на прогулку, погода испортилась, и мы вынуждены были вернуться.

Вошел Раевский.

Сейчас она отдыхает. (*Отцу.*) Мы, говорю, выезжали на прогулку с Машей...

Раевский. Да, она все никак не окрепнет...

Софья. Я дождусь. Только удостоверившись в ее здоровье, я могу быть спокойна. (*Села.*) Николай Николаевич, скажите, вы дали Сергею ответ? Он писал относительно купчей в Одесской губернии.

Александр. Сейчас не это главное, Софья Григорьевна.

Софья. Но об этом тоже надо думать — у него растет сын.

Раевский. Вам известно, кто из дам уехал к своим мужьям?

Софья. Я вам писала. Вы получили мое письмо?

Мария (*входит, увидала Софью*). Софьюшка! Родная моя! Наконец-то! Бросили меня одну. Пойдем, пойдем ко мне. Я так рада, так рада!..

Раевский. Маша, Софья Григорьевна и наша гостья...

Софья. В письмах ко мне он пишет... (*Отдала письмо Марии.*)

Мария (*читает*). «Дорогая Софьюшка, некоторым женам уже разрешили следовать за своими мужьями...» Пойдем, Софьюшка, пойдем ко мне, почитаем вместе.

Раевский смотрит на Софью, та на Марию. Мария посмотрела на всех, вздохнула, уходит, зажав письмо в руке.

Раевский. Софья Григорьевна, должен вам сказать, что вы вовсе не любите Машу.

Софья. То есть как это не люблю? Я люблю ее сильно! Нежно!

Александр. Зачем вы отдали ей письмо?

Раевский. Вы же знаете состояние ее здоровья?

Софья. Я право... не понимаю вас... если что не так... я готова просить у вас прощения... Но чтоб преднамеренно, как думаете вы...

Александр. Мы думаем, только не о том, о чем

думаете вы... Мы думаем о здоровье жены Сергея Григорьевича!

Р а е в с к и й. Разве сейчас можно напоминать ей об отъезде жен этих... мучеников?

М а р и я (*входит быстро*). Софьюшка, сестричка, скажите, что вы знаете про жизнь ссыльных? Будут ли они заключены? Будет ли мой Сергей иметь клочок земли для выращивания сада? Он же, вы сами знаете, любит возиться в саду...

А л е к с а н д р. Его туда только затем и отправили...

С о ф ь я. Машенька, родная, я приехала сказать...

Р а е в с к и й. Если мы вас обидели, Софья Григорьевна, ради бога простите нас. Идем, Александр, пусть они вдвоем поговорят...

С о ф ь я. Нет, Николай Николаевич, мы и так с маменькой понаслушались разных сплетен.

Р а е в с к и й. Пока вертится земля, до тех пор и будут рождаться сплетни.

С о ф ь я. А потому я буду говорить только при вас. (*Маше.*) Матушка моя сказала, чтоб я передала вам. Она как мать не хочет влиять на ваш отъезд к Сергею...

А л е к с а н д р (*улыбнулся*). Конечно...

С о ф ь я. И не хочет только потому, что думает ехать сама.

М а р и я. Кто из моих подруг уже уехал?

Р а е в с к и й. Скажите ей, Софья Григорьевна, может ли она со своим здоровьем выдержать несколько месяцев трудного путешествия?

С о ф ь я. Когда Сергей узнал о намерении матушки, он был крайне расстроен.

М а р и я. Бедный. Когда только прекратятся его страдания?

С о ф ь я. Сначала казалось, что матушка не соразмеряет свои силы. Но моральная энергия способна поддержать и физически и может сделать для нас больше, чем можно ожидать.

М а р и я. Спасибо, Софьюшка, что вы приехали ко мне!

С о ф ь я. Маша, мы с маменькой полагаем, что ты можешь считать себя свободной от всяких обязанностей по отношению к мужу.

М а р и я. Нет, нет, я и слушать этого не хочу! Лучше скажите, что вам известно про Муравьеву?

С о ф ь я. Муравьева с детьми.

М а р и я. Будет ли для них врач?

Софья. Я повторяю слова маменьки: вы можете быть свободной по отношению к своему мужу.

Александр (*про себя*). Хитрую комедию играет!

Софья. Вы знаете, я больна и комедию играть не собираюсь.

Александр (*вздрыгнул*). Вас никто в этом и не подозревает.

Софья. Моя дружба к Сергею пылкая. Для него я на алтарь жертвы готова принести самое дорогое. Но ваши обязанности, Маша, считаю расторгнутыми. У вас нет долга, он обманул вас.

Александр. Вот!

Софья (*про себя*). Вырвала-таки от этого противного существа искреннее слово. Но пошли дальше. (*Вслух*.) Он дурно действовал по отношению к вам.

Александр. А что я говорил?

Софья. Потому все, что вы делаете для него, должно быть прочувствовано и оценено нами.

Мария. Но жены других делают то же самое.

Раевский. Многие из них сочувствовали мужьям.

Софья. Да, разделяли идеи. И они должны пожертвовать собой, но не вы.

Александр. Вот! Слушай!

Софья. Вы — жертва Сергея. Только раскаяние, которое проявляет он, может заслужить прощение.

Мария. И я прощаю ему!

Софья. Я не судья, Машенька, я выполнила долг своего сердца и повеление матушки.

Мария. Но как же мне быть? Он там один. Один и больной...

Софья. У вас есть сын, вы перед ним в долгу. Он беспомощен, вы обязаны думать о нем. Прощайте, моя бедная сестричка. (*Уходит.*)

За Софьей идет Мария, провожают до двери и мужчины. Остановились.

Александр. Папа, как вы расцениваете этот визит?

Раевский. Она больная женщина и неправду говорить не в ее состоянии...

Александр. Но как вы расцениваете ее внезапность?

Раевский. Внезапность хороша только на поле сражения.

Александр. Вы полководец, потому и спрашиваю.

Р а е в с к и й. Она — женщина, военного искусства лишена...

А л е к с а н д р. Женщина наделена женской хитростью, не забывайте об этом!

М а р и я (входит несколько оживленная). Теперь я решила и расстаюсь с ним без грусти.

Р а е в с к и й. И правильно. Он нарушил свои обязанности...

А л е к с а н д р. Слава богу, хоть теперь до моей сестры дошло...

М а р и я. Сын мой окружен заботой попечителей и не будет нуждаться и чувствовать отсутствие матери. Я могу быть счастлива только возле моего бедного друга.

А л е к с а н д р. Ты поверила этой... женщине? Иль ее матушке?

М а р и я. Напрасно вы ненавидите родственников моего мужа!

Р а е в с к и й. Мы ненавидим их потому, что их не за что уважать.

А л е к с а н д р. Эта старая гранд-дама после приговора над сыном с огорчения пошла в Грановитую палату и танцевала на балу.

М а р и я. Это неправда!

А л е к с а н д р. С императором! Весь вечер! К огорчению этой фамилии и всей столицы! И эти люди о чем-то могут говорить!

Р а е в с к и й. В своих родственниках ты видишь одних ангелов.

М а р и я. Глаза у меня открыты на них, но я об этом молчу, чтоб не дошло до Сергея и чтоб он не страдал. Теперь же, когда у меня есть уверенность, что я отправляюсь к нему, могу обо всем говорить без стеснения. И как видите, моя белла-сокур Софья выказывает себя рассудительной и вовсе не думает мной жертвовать.

А л е к с а н д р. Старуха давно собирается ехать, а все сидит на одном месте.

М а р и я. Папа, пора закладывать возок.

Р а е в с к и й. Отказаться от семьи, восстать против родителей, пренебречь предрассудками общества...

М а р и я. Те, кто уехал, делают то же самое...

Р а е в с к и й. Покинуть ребенка?..

М а р и я. Ты под Дашковой делал то же самое...

Р а е в с к и й. Отечество было в опасности, отступить некуда...

А л е к с а н д р. Не путай божий дар с яичницей.

М а р и я. Мне тоже отступать некуда: я — жена.
А л е к с а н д р. Почему накануне свадьбы он не ска-
зал всего этого?

М а р и я. Об этом спроси папу.

Р а е в с к и й. Если муж твой и не знает меня на-
столько, чтоб верить, что я принимаю интересы своей
дочери ближе к сердцу, чем его родственники, то тебе
следовало бы знать своего отца — ради твоих интере-
сов я не способен сделать что-либо неделикатное. Я серд-
ечно разделяю печаль и беспокойство, которые ты пере-
несла из-за своего мужа. Поверь, муж моей дочери не
может мне быть безразличным. И вряд ли есть резон го-
ворить тебе такие слова!

А л е к с а н д р. Даже при упоминании слова «Сибирь»
и то мороз бегаёт по коже. Мы его и отсюда не забу-
дем.

М а р и я. Решено, исполню до конца.

Р а е в с к и й. Я тебе до сих пор не говорил, а теперь
скажу: эта страна, куда ты едешь, полна клейменных убийц,
где вечные драки, кровопролитие...

Р а е в с к а я (входит). Он виноват, пусть один и от-
вечает.

М а р и я. Пусть и моя жизнь будет не радостней его.

Р а е в с к и й. Ты молода, тебе захочется жить настоя-
щей жизнью...

Р а е в с к а я. В драках поножовщины... кровь... пред-
смертные крики...

Р а е в с к и й (вскрикивает). Он не любил тебя!

М а р и я. Как ты можешь так, папа?

А л е к с а н д р. Спроси у Орлова, он помнит, как от-
ветил тогда твой Волконский: «Если причиной отказа
с твоей стороны мое участие в тайном обществе, то я все
равно не выйду из него!»

М а р и я. За это его еще больше уважать надо.

Р а е в с к а я. Николенька будет переступить нож-
ками, говорить: «Мам, мам...»

А л е к с а н д р. Имя, ум, доброта и доверительность
твоей души — все не было дорого ему!

М а р и я. Если б он забыл меня для другой женщины,
я бы нашла в себе силы оставить его...

Р а е в с к и й. Потерять право дворянства, право
имущества...

М а р и я. Пора, папа.

Р а е в с к а я (взяла образок). Машенька... (Пере-
крестила, бессильно упала на пол.)

Александр. Вот плоды твоей благодарности к родителям...

Мария. Мама... Папа, но я ведь...

Раевский. Софа... *(Суетится возле Раевской.)*

Мария. Мама...

Александр. Мама... *(Марии.)* Жестокосердная!

Раевская *(приходит в чувство)*. Я не пускаю тебя, никуда не пускаю!..

Мария. Я прощаюсь с Николенькой. *(Идет к выходу.)*

Раевский. Я не дам лошадей!

Мария. Папа, вам будет неудобно, если я уйду с одним узелком.

Раевская. Медвежью полость постели под ноги... Холодно...

Раевский. Будь прокляты те люди, кто открыл Сибирь!

Мария *(вышла, вскоре вошла)*. Прощай, папа!

Раевский. Если ты не вернешься через год...

Мария. Прощай, Саша, не забывай свою сестру Марию.

Раевская. Отец, она и впрямь уезжает...

Мария. Саша, распорядись насчет лошадей.

Раевский. Если ты не вернешься через год, я... я... прокляну тебя!

Мария. Папа!

Раевский. Прокляну!

Мария тяжело садится на диван.

Занавес.

Картина вторая

У Зинаиды Волконской. По залу шепот:

— Она!

— Княгиня Волконская!

— Младшая дочь генерала Раевского!

— Он был грозой французов.

— Дочь, однако, не утрашилась.

— В Сибирь едет к мужу.

— К мужу ли?

— Говорят, там у нее любовник...

— Даже ребенка из-за него оставила!

— Из-за кого?

— Не из-за мужа, конечно!

— Вот это любовь!

Зинаида (*входит*). Господа! Этот вечер в честь моей названной сестры Марии Волконской.

Аплодисменты, крики «браво!».

Завтра она отправляется в Сибирь к своему опальному мужу. Господа, кроме песен и веселья, я ничего не требую от вас.

Гости проходят в другую залу.

Входит Пушкин, он задерживается возле Зинаиды.

Пушкин. Зинаида Александровна, позвольте вас спросить...

Зинаида. Я вас слушаю.

Пушкин. Посоветуйте, какие найти слова для нее, чтоб они не звучали фальшиво?

Зинаида. Стыдитесь, Александр! От вас ли слышу подобное? Вам ли не найти таких слов? Неужели ваш лексикон иссяк?

Пушкин. Я вот думаю, как подойти к ее душе?

Зинаида. Вы, у которого есть слова на любые моменты жизни, и вдруг... Я не узнаю вас, Александр!

Пушкин. Волнуюсь, знаете ли, как актер перед выходом. Боюсь, чтоб не причинить еще сильней боль душе ее!

Зинаида. Милый Пушкин! Когда в час роковой все надежды утрачены, когда коварная судьба поймала нас в свои ужасные ковы и прошедшее и настоящее одним ударом пересечены, когда воспоминания о нем становятся источником слез об его утрате, что согласнее музыки может раздаваться в нашей душе?

Пушкин. Вы волшебница!

Зинаида. Критикуйте меня, критикуйте! Мне нравится эта критика!

Пушкин.

Царица муз и красоты,

Рукою нежной держишь ты

Волшебный скипетр вдохновенья.

Зинаида. Я где-то уже слышала подобное, но какая разница, главное, правдиво! (*Засмеялась*.) Напишите ей стихи, Александр, я прошу вас.

Пушкин. Я не могу, я как-то весь потерялся.

Зинаида. Пушкин, Пушкин, что мне с вами делать?

Пушкин. Говорите с ней сами. Занимайте ее весь вечер.

Зинаида. Вам нельзя сегодня быть немым, Пушкин.

Пушкин. Такие слова, которые родятся в вашей головке, никто больше не может найти!

Зинаида. Бедный мой Пушкин!

Пушкин. Вы самая...

Зинаида. Опять критика?

Пушкин. Вы настроили себя на этот лад во имя нее?

Зинаида. Сегодня она должна быть окружена только радостью и весельем, нагруститься она еще успеет там, куда едет.

Пушкин. Я вот думаю, смог бы я так...

Зинаида. Как?

Пушкин. Как вы, как она...

Зинаида. Как она — я тоже, наверно, не смогла бы. А как я? Что тут особенного я сделала?

Пушкин. Что особенного? Сейчас даже самый малейший знак внимания к осужденным расценивается как измена царю и отечеству. А вы вон что — прощальный вечер устроили ей!..

Зинаида. Всего-навсего вечер, но, однако, я не еду в Сибирь.

Пушкин. Мне кажется, коснись вас такое — вы б, не задумываясь, тоже отправились так же, как и она!

Зинаида. Ой, Пушкин! Сейчас я буду вас критиковать! А кто отвечал царю прямо и откровенно?

Пушкин. Вопрос был задан в лоб: «Где б вы находились, если б оказались в Петербурге в тот день?» — «Где же? Конечно, с ними!»

Вошла Мария Волконская.

Зинаида. Моя милая сестричка, я вынуждена тебя оставить с этим молодым человеком. Поскучай с ним, а я должна дать кое-какие распоряжения. *(Пушкину.)* Александр Сергеевич, займите даму. *(Уходит.)*

Пушкин. Прошу.

Подводит Марию к диванчику, оба садятся. Некоторая пауза неловкости.

Мария. Когда мы с вами виделись в последний раз?

Пушкин. Это было, кажется, в Юрзуфе. Ну да, конечно, в Юрзуфе.

Мария. Время летит.

Пушкин (*про себя*). Боже мой! Как она хороша в этом печальном платье. (*Марии.*) Вы помните Юрзуф?

Мария (*подходит к клавесину*). Помню ли я Юрзуф?

Пушкин. Я запомнил вашу игру на клавикордах! Это так было хорошо! Сыграйте что-нибудь! Для меня! Для одного меня!

Мария (*села, взяла несколько аккордов, прервалась*). Вы помните, как я бросила в вас букетом цветов, вы увернулись, он попал вам в спину.

Пушкин. Спасибо той болезни, которая свалила меня...

Мария. Какой болезни?

Пушкин. Я ехал в Одессу, по дороге захворал, больной лежал в корчме. Ваш отец, случилось, ехал по пути, там нашел меня ну и взял с собой... А то б мы с вами и не встретились...

Мария. Тогда мне было шестнадцать, теперь я старуха.

Пушкин. Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна? (*Пауза.*) А помните берег Черного моря? Помните, как вы бегали наперегонки с волнами?

Мария. Они накатывали на берег и настигали меня.

Пушкин. Как ни увертывались от них, они все же догоняли вас! Догоняли! Это я точно помню!

Мария. И вы смеялись, как я оказывалась в воде. Смеялись.

Пушкин. А вы говорили: «Александр, молчите, сюда идет гувернантка, не говорите ей, что я промочила ноги». И я молчал! Смотрел на ваши мокрые ноги и молчал!

Мария. А гувернантка смотрела на вас и не понимала, почему вы смеетесь. (*Пауза.*) И вы были влюблены в море и в горы.

Пушкин. И... в Юрзуф!

Мария. В долинах сады, у подножья Аюдага море...

Пушкин. А на склонах гор виноград и тополя, как стрелы, синь неба проткнули. Небо прохудилось, иногда из неба в эту худушку протекает вода...

Мария. Почему поэты всегда гуляют одни?

Пушкин. Не знаю, я ничего не знаю!

Мария. А я знаю... Потому, что поэты любят музы и печаль...

Пушкин. Где теперь Елена? Как она поживает?

М а р и я. Вы брали у нее уроки английского языка...

П у ш к и н. Благодаря ей я изучил Байрона в подлиннике.

М а р и я. Она тайно переводила из Байрона и рвала...

П у ш к и н. Впрочем, я знаю, где она...

М а р и я. Вы собрали лоскутки листа, и тайна стала явью. Как она сердилась на вас тогда! *(Пауза.)* Боже мой, как все это было давно!

П у ш к и н. А помните кипарис?

М а р и я. Кипарис, кипарис! *(Платком вытирает глаза.)*

П у ш к и н. Простите ради бога, если я вам доставил...

М а р и я. Я рада, что вы... что вспомнили про кипарис...

Заиграла музыка, в дверь, открытую в следующую залу, видно, как пары пошли танцевать. К Волконской подбежал молодой человек, щелкнул каблуками, Мария отказалась, кавалер убежал.

Говорят, вы часто вместе с кипарисом встречали рассвет?
И к вам прилетал соловей?

П у ш к и н. Только не догадывался, к кому он прилетал.

М а р и я. Вас можно попросить об одном одолжении?

П у ш к и н. Просите, я готов выполнить любую вашу просьбу.

М а р и я. Посетите Юрзуф, поклонитесь кипарису, нашему дому...

П у ш к и н. Непременно. Но, я думаю, в скором времени мы можем вместе посетить те места...

М а р и я. Нет, я те места больше никогда не увижу...

П у ш к и н. Всенепременно посетим! Всенепременно!

М а р и я. Блажен, кто верует — легко ему на свете.

П у ш к и н *(смотрит на пары танцующих, задумчиво)*. Блажен, кто суетность света меняет на добровольный подвиг.

З и н а и д а *(вошла)*. Господа, я заставила вас несколько поскучать без меня. Но свою вину я сейчас искуплю. *(Села за клавикорды, запела «Погасло дневное светило».)*

М а р и я *(про себя)*. Милый друг! Одни обязанности к сыну могли заставить меня скитаться в разлуке с тобой. Я рассталась с ним без грусти.

П у ш к и н *(подошел к Зинаиде)*. Что за дом? Это замок волшебных фей!

Зинаида (Поет).

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волнением и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаям упоенный...

(Перестала играть, едва сдерживает слезы.)

Пушкин. Ступишь на порог этого дома, и раздаются созвучья! Что за волшебный замок! Стены, потолок, пол — все поет вокруг!

Голоса: Зинаида Александровна, спойте еще!
— Просим! Пожалуйста!

Зинаида. Господа, я спою вам из «Агнесс». (Исполняет то место, где дочь просит отца о прощении. Ее душат слезы, прерывает игру и закрывает лицо платком.)

Мария. Сестра, ты видишь — я спокойна... И я вовсе не хочу этого.

Зинаида. Да, да, простите, господа! Мы будем петь, стихи читать... Именно стихи! Это было бы просто неприлично, когда среди нас находится Пушкин!

Шум.

Пушкин. Ну что ж, господа! Я прочту вам отрывок из повести в стихах, которую пишу...

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда среди пылких дней
Кипящей сладости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

Аплодисменты, просьбы: «Еще!»

Пушкин. Было б несправедливо, господа, если Зинаида Александровна (*гости поддерживают его просьбу*) ...если б Зинаида Александровна не прочла свои стихи!

Зинаида. Александр! Нельзя использовать женскую слабость в корыстных целях!

Просьба вновь бурно повторяется.

Хорошо, господа, я прочту стихи, посвященные моей родной Марии. (*Читает несколько театрально, но эта поза так идет к ее прекрасному лицу!*) О ты! Пришедшая отдохнуть в мои объятия! Ты, которую я знала всего три дня и которую назвала своим другом. Отражение твоего образа останется в моей душе. Твой высокий стан, как высокие мысли, твои красивые движения как будто сливаются в мелодию, которую древние приписывали звездам небесным. У тебя глаза, волосы, цвет лица — как у девы Ганга. И, подобно ей, жизнь твоя носит печать долга и самоотвержения. Твой поступок, как песня. Я слышу твой голос, твою песню, твой взор имеет звуки, раздающиеся в будущем. Я дарю тебе арфу. Прижми ее к своему разбитому сердцу, ударь по ее струнам, и да будет для тебя каждый звук, каждый аккорд ее голосом друга. Окружи себя гармонией, дыши ею, пой всегда... разве жизнь твоя не гимн?

Восторженный прием, потом наступает неловкая тишина.

М а р и я. Спасибо, сестра.

П у ш к и н. Господа! Господа! Я не хотел сразу... теперь можно...

Читает

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье!
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье!
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Тишина, несмелые тихие голоса.

- Эдак прямо с вечера да куда следует попадешь...
- Вместо меча как бы ключи за тобой не зазвенели...
- Так недолго и во глубину сибирских руд...

И постепенно зал пустеет, пустеет и вот уже остались только Зинаида, Мария и Пушкин.

Зинаида. Снег идет, тихий, крупный.

Пушкин. Выходит, никому стихи не понравились?

Зинаида. Не расстраивайтесь, Пушкин! Стихи прекрасные! Только они огромной тяжестью сразу навалились на душу, как глыбы в тех самых рудниках, в сибирских... Вот люди и не выдержали и поскорей поспешили на свежий воздух.

Мария (Пушкину). Можно просить вас об одном одолжении.

Пушкин. Просите.

Мария. Переписать эти стихи, я отвезу их с собой.

Пушкин. Я сейчас. *(Отошел в сторонку, пишет.)*

Зинаида. Путь тебе добрый, благополучный, Мария! Молю бога за тебя, гордую, непреклонную. Пусть укрепятся душа и сердце твое.

Мария. Сестра моя, зачем плакать? Ты видишь, я спокойна, потому что я довольна собой.

Зинаида. Да, да! И я люблюсь тобой!

Пушкин (отдал листок). Между прочим, Муравьева тоже взяла его с собой.

Мария. Спасибо вам, милый добрый Пушкин.

Пушкин. Весной буду на Урале. Надо писать «Пугачева». Соберу материал, а оттуда прямо к вам в гости.

Зинаида не выдержала, заплакала, выходит.

Мария. Сестра, я совсем не хочу этого. *(Уходит вслед за Зинаидой.)*

Пушкин (тихо, проникновенно, как заклинание). Иди, Мария, ты сильна душой. Пусть тебя не смущает утрата этого света, где на лицах цветут одни казенные улыбки! От них черствеет сердце и, как засохший хлеб, покрывается трещинами. Где царствует холодный расчет, где пылкая правда, не успев расцвести, тут же увядает. Идите, страдания ваши не забудут потомки! *(Пауза.)* Что за трогательное и возвышенное обреченье! Спасибо вам, женщины! Вы дадите истории несколько прекрасных

строк! Вы дадите будущему поколению такой образец беспредельной и верной любви! Такой, по которому будут проверять свои чувства, как проверяют в мире время по Гринвичу!

З а н а в е с .

К а р т и н а т р е т ь я

У иркутского губернатора Цейдлера.

Цейдлер (*вертит пакет в руках, читает*). «Совершенно секретно». (*Открыл пакет, читает.*) «Из числа преступников Верховным уголовным судом осуждены и отправлены некоторые в Нерчинские заводы. За оными преступниками могут последовать их жены. Местное начальство неукоснительно обязано вразумлять их со всею тщательностью и стараться, сколь возможно, от одного предупредить и отвращать. Сообразив сие и зная, что жены осужденных не иначе могут следовать в Нерчинск через Тобольск, Иркутск, я возлагаю на особенное попечение Вашего Превосходительства употребить все возможные внушения и убеждения к остановлению их в сим городе и к обратному отъезду в Россию. Наконец, если бы некоторые из них проехали Иркутск прежде, нежели Вы сие получили, в таком разе прошу Ваше Превосходительство принять на себя труд отправиться лично для возвращения ея в губернский город, ибо пример оной может пробудить и другие к домогательству о пропуске в Нерчинск. Генерал-губернатор Восточной Сибири Лавинский».

Вошел ж а н д а р м , подал записку. Цейдлер пробежал глазами.

П р о с и .

Жандарм выходит. Вошла М а р и я .

Княгиня Волконская?

М а р и я . Да, ваше превосходительство.

Цейдлер. Прошу садиться.

М а р и я . Благодарю вас. (*Присела.*)

Цейдлер. Н-да, что ж... Я вас слушаю.

М а р и я . Я пришла просить ваше превосходительство, чтоб...

Цейдлер. Вы в моем городе впервые?

М а р и я . Да. Я должна... просить ваше превосходительство...

Цейдлер. Все заботы я обязан взять на себя. Вам нужны номера?

Мария. Благодарю вас за проявленную заботу, но мне жить здесь некогда. Я должна ехать к своему мужу.

Цейдлер. Да, да, я знаю ваше горе.

Мария. Я должна быстрее к нему попасть.

Цейдлер. Уважение к вашему батюшке обязывает меня заботиться о вас и сообщить вам место пребывания вашего мужа.

Мария. Я должна знать, скоро ли мне дадут пропуск, чтоб я могла ехать к моему мужу?

Цейдлер. Я знал вашего батюшку. О, это большой человек. Сам Наполеон говорил о Раевском-генерале. Как это он говорил: «Он сделан из материала, который отпускается для маршала». Вот как он говорил о вашем батюшке.

Мария. Ваше превосходительство, я должна знать, скоро ли?..

Цейдлер. Мне говорили, у вас родился сынок перед самой этой несчастной минутой? Как он себя чувствует, крошка?

Мария. Сергей уже отправлен за Байкал?

Цейдлер. Ах, крошки, крошки! Я знаю, как с ними трудно. Я и сам уже дедушка. Болеют часто внуки. Наверно, погода тут им не очень подходит, вот и болеют.

Мария. Он отправлен за Байкал?

Цейдлер. Мне также известно, в каком состоянии остались ваши матушка и батюшка. Старые люди, тем более такая слабая после болезни дочь и пустилась в такой нелегкий путь.

Мария. Благодарю за такое теплое участие, которое вы принимаете во мне. Но мне надо знать...

Цейдлер. Я и говорю, матушка слегла. А батюшка, хоть и крепится, но генерал уже не тот, который был грозой для французов. Не тот!

Мария. Я о пропуске, ваше превосходительство...

Цейдлер. Из-за горячего уважения к вашему батюшке я и обязан сказать вам... сказать все предостережения, какие вас могут ожидать в пути...

Мария. Мне известно, что Сергей отправлен в путь совершенно больным. Мне надо как можно быстрее быть рядом с ним, ваше превосходительство!

Цейдлер. Да, да, надо быть рядом. Я понимаю, как не понимать. Вон моя Эльза. Хоть и сама не блещет здо-

ровьем, а все же, когда я заболел, хлопочет возле меня, хлопочет и хлопочет...

М а р и я. Тем более вам понятно, ваше превосходительство. Распорядитесь побыстрее выдать мне пропуск. Я должна заботиться о нем.

Ц е й д л е р. Да, да, заботиться. Вон снег опять повалил, не видно ни зги. А в поле теперь и того хуже... Там вообще негде притулиться. А и на каждом шагу всякие беглые, разбойники и убийцы. А что делать? Пытаемся навести порядок, но его то и дело нарушают. Да, да, нарушают и не просто какие-то разбойники, а и порядочные люди. На них полагаешься, а они вон что... глядишь и замыслил какое-нибудь убийство и не простого человека, а даже посягают на августейшие особы...

М а р и я. Ваше превосходительство, мне нужен пропуск.

Ц е й д л е р. Сударыня, помните ли вы, что жена, следуя за своим мужем и продолжая с ним супружескую жизнь, делается причастной к его судьбе?

М а р и я. Знаю.

Ц е й д л е р (*увидел рукавички*). Ах, какой прекрасный узорчик на ваших рукавичках. Не дурно бы снять его.

М а р и я. Я подарю вам рукавички, ваше превосходительство.

Ц е й д л е р. Нет, нет, мне рукавички не нужны, мне только узорчик нравится. Я, знаете ли, иногда на досуге крестиком вышиваю...

М а р и я. Возьмите. (*Отдает рукавички.*)

Ц е й д л е р. Нет, нет, что вы. Боже избавь. Тем более они вам в дороге пригодятся. Морозы здесь, наверно, успели заметить, вон какие!

М а р и я. Ваше превосходительство, я осмелюсь вам напомнить о своей просьбе...

Ц е й д л е р. Да, да. Где мы остановились? Да, вот... Жена теряет прежнее звание и будет признаваться не иначе, как жена каторжника.

М а р и я. А разве дома меня иначе бы называли?

Ц е й д л е р. Вы понимаете, куда едете?

М а р и я. Понимаю.

Ц е й д л е р. Нет, мне кажется, вы не понимаете. Там даже начальство будет бессильным защитить вас от всяких оскорблений.

М а р и я. Сердца ожесточаются от жестокости. Но когда с ним рядом благородство, когда с ним рядом доброты, оно не может не смягчиться.

Цейдлер. Вас даже могут оскорбить насильственно.

Мария. Нет такой жертвы, которую я не принесла бы...

Цейдлер. ...закоренелым злодеям не страшны никакие наказания.

Мария. ...чтоб принести то единственное утешение, какое мне осталось на земле: разделить участь мужа.

Цейдлер. Вы знаете о том, что тем самым вы уничтожите право на всех крепостных?

Мария. Я отказываюсь от этого с легким сердцем.

Цейдлер. С вашим отъездом имение переходит в другие руки, вы знаете об этом?

Мария. Без мужа все это мне ни к чему.

Цейдлер. Возможно, мы дадим вам пропуск...

Мария. Благодарю вас...

Цейдлер. ...но вам не будет дано право находиться вместе с ним. Он будет жить в тюрьме, вы — где подыщите.

Мария. Можно ль данное свыше запретить?

Цейдлер. Возможно, иногда вам будет дано право видеться с ним, и то в присутствии надзирателя.

Мария. Значит, государственный преступник должен выносить всю суровость закона, как и каторжник, убийца?

Цейдлер. Злодей делает свое дело по причине недомыслия и ему это прощает даже всевышний. Но когда дворянин совершает...

Мария. Ваше превосходительство, не надо, не напоминайте мне про это, я давно все слышала...

Цейдлер. Да, да, сейчас вам не следует вспоминать о них! Вам следует обдумать свой шаг. У вас вся большая жизнь впереди.

Мария. Нет.

Цейдлер. Вы молоды, красивы...

Мария. Когда я припоминаю прошлую жизнь, мне кажется, я и не жила вовсе.

Цейдлер. Вы действительно не жили, вы так молоды еще и вся жизнь ваша, повторяю, впереди...

Мария. Только теперь я поняла всю ценность своей жизни. Только во имя этого я и прошу ваше превосходительство поскорей выдать мне пропуск к моему бедному мужу!

Цейдлер (*сердито*). Вы вольны выбирать тот путь

и тот образ действия, княгиня, который покажется вам наиболее соответственным вашему настоящему положению.

М а р и я. Благодарю вас...

Ц е й д л е р. Вам следует прочесть вот эту бумагу и подписать.

М а р и я. Я подпишу ее не читая. *(Подписывает.)*

Ц е й д л е р. Как? Но там же...

М а р и я. Что может быть там, ваше превосходительство, страшней того положения, в котором я нахожусь?

Ц е й д л е р. Дальше вы последуете одна. А ваших людей вы своей подписью отпустили. Они теперь вольноотпущенные!

М а р и я. Мне бы пропуск поскорей, ваше превосходительство.

З а н а в е с.

К а р т и н а ч е т в е р т а я

Одинокая зимняя дорога. А над ней в поднебесье ветер гонит облака. Им холодно, потому они и прячутся друг за друга, создавая тем самым толчею. А на земле, словно соревнуясь с небом, снежную толчею устроила метель. Гуляет ветер по вольной воле, свистит соловьем-разбойником, воет голодным волком. Не спастись и в возке, что стоит на дороге.

М а р и я *(сидит одна)*. Григорий, что ж ты, дружок, не едешь? Заснул, что ли? *(Кутается в шубу, задремала, перед ней проходят видения.)*

Р а е в с к а я. Спи, Машенька, спи. Не пущу я тебя, а ты спи. Он, Григорий, человек ненадежный, в дороге на него разве можно положиться? Ты скорей согревайся да потихоньку поезжай, с божьей помощью. На ноги-то медвежью полость положи...

Р а е в с к и й. Ермак, он для того и открыл эту зимнюю землю, чтоб людей с клеймом морозить. И убийства всякие посмотришь там, наверно, это интересно.

Р а е в с к а я. Они, эти Волконские, умеют на чужой спине ездить...

С о ф ь я. Машенька, слух, пущенный по городу, дело злых языков. Маменька просила передать тебе не торопиться с отъездом. У тебя нет никаких оснований и обязательств перед ним...

И м п е р а т о р. Считаю своим долгом напомнить вам предостережения насчет того, что вас ожидает там...

М а р и я. Чем трудней и тягостней мне теперь, тем более я довольна...

А л е к с а н д р. Я б никогда не вспомнил его, если б он не был мужем моей сестры...

К а т е р и н а. Замуж выходят не для того, чтоб с мужем делить только радости...

В о л к о н с к и й. Я не вправе ожидать того же от тех, кто видит во мне лишь орудие твоего несчастья. Но мне не может не быть очень горестным видеть, что они полагают возможным устроить твое спокойствие на вечной со мной разлуке. Я вижу, сколь велико твое желание принести мне утешение, но вижу также и сколько трудностей должно будет тебе перенести для приведения этих желаний в исполнение...

П у ш к и н. Идите, Мария, вы сильны душой. У вас большое терпение. И пусть вас не смущают утраты этого света, где на лицах цветут одни казенные улыбки...

М а р и я. Николеньку держите! Держите! Упа... дет... Ай! Упал... (*Проснулась.*) Холодно как! Григорий! Ехать пора. Куда же он девался? Лошадей менять уехал? Но почему меня оставил одну в поле? (*Сходит с возка, обошла вокруг.*) Неужели оставил одну? Гри-го-ри-й! Неужели в самом деле ушел и заблудился? Отошел от возка и... Что же делать? Ждать, когда кто-то поедет мимо? Но кто поедет? Чтоб Григорий предал меня — это не может быть. Подорожные он получил, вольноотпущенную тоже. Всегда был добр ко мне. И я не обижала его. А как он жил? Сколько у него детей? И женат ли? (*Прислушивается.*) Иль показалось?

В вое ветра слышны какие-то человеческие голоса.

Гри-го-рий, я здесь.

Из-за возка выглянул человек в арестантской одежде. (*Увидала его, вскрикивает.*) Не подходите ко мне! Не подходите!

Б е г л ы й. Чего горланишь?

М а р и я. Сейчас крикну кучера. Не подходите!

Б е г л ы й. Одета вроде чисто, а дура. (*Заглядывает в возок.*)

М а р и я. Вот мои вещи, вот деньги, берите все, только...

Б е г л ы й. Что мне сейчас из твоих вещичек? Мне б пожрать что...

М а р и я. Там, в возке, корзина, берите, берите...

Беглыйй. Чего дрожишь? Мне трогать тебя нет надобности.

Мария *(про себя)*. И клеймо где-нибудь есть.

Беглыйй *(достал пищу, ест)*. Чего тут остановилась?

Мария. Кучер поехал лошадей сменить, видно, замешкался, а я тем временем задремала, вот и не слышала...

Беглыйй. Что не слыхала?

Мария. Ну что... он менять лошадей пошел...

Беглыйй. Куда менять? До ближайшей станции десятки верст... Пошел! Полезай-ка сюда в возок, я тебя погрею...

Мария. Сейчас он вернется, и мы поедем. Хотите, можем и вас подвезти.

Беглыйй. Куда?

Мария. Куда вам надо, туда и подвезем.

Беглыйй. Чего на юру стоять, полезай. Так и закончить можно.

Мария стоит в нерешительности.

Лезь, говорю. *(Подходит к ней, поднимает на руки, несет в возок.)*

Мария. Не подходите ко мне! Григорий!

Беглыйй *(посадил в возок)*. Я, барышня, из Нерчинских рудников сбежал...

Мария *(радостно)*. Из Нерчинских?

Беглыйй. Чего обрадовалась?

Мария. Муж там у меня, к нему еду. Может, слышали — Сергей Волконский?

Беглыйй. Волконский?

Мария. Он на Сенатскую площадь выходил... Он больной и страдает, и вот я к нему еду. Все мои подруги уже там, а я вот среди поля... одна...

Беглыйй. Почему одна? А меня не считаешь?

Мария. Да, а теперь вот и вы... Я теперь из Москвы. Двадцать дней и ночей ехала сюда... Дома остался маленький Николенька... Он с дедушкой остался, а я вот...

Беглыйй. Волконский, говоришь?

Мария. Да, высокий такой, глаза серые и белые волосы. Теперь стали такими, а были вовсе черные. Лицо продолговатое, усы и борода.

Беглыйй. Старик?

Мария. Нет, что вы. Он совсем не старый. Он, правда, болел долго. А так он не старый.

Беглыйй. Вот что, барышня, сидеть-то сиди, а идти надо.

Мария. Сейчас вернется мой кучер, тогда и...

Беглыйй. Ты что, в своем уме, иль он у тебя подмерз? Он же бросил тебя! Бросил!

Мария. Он не может меня оставить. Не может!

Беглыйй. Не шути так с собой. Подымайся и пошли...

Мария. Я же собственными ушами слышала звон колокольчиков.

Беглыйй. Вот, вот! Когда я замерзал в поле, мне тоже слышался колокольчик. *(Сошел с возка.)* Пойдешь иль как? *(Пауза.)* Мне раздумывать некогда. Пряником до ближайшего поселка, а там... *(Медленно идет.)*

Мария. Если останусь здесь, что со мной станется? Замерзнуть здесь, почти добравшись до цели? Пойдите, не уходите! Куда же вы? Не оставляйте меня одну. Не оставляйте, я умоляю вас! Я... берите все, что вам приглянется, только не покидайте меня.

Беглыйй возвращается.

Все берите, все! Ведь вы не допустите, чтоб я тут одна в поле замерзла? Не допустите?

Беглыйй *(смотрит в возке)*. Все, говоришь?

Мария. Я так далеко ехала! Неужели приехала сюда, чтоб вот так, почти рядом со своим мужем и замерзнуть здесь, в поле?

Беглыйй. Никто и не думал тебя бросать...

Мария. Благодарю вас! Благодарю. *(Хочет поцеловать руку.)*

Беглыйй. Что ты, барышня! Твои губки не для моих рук... Незадача в другом...

Мария. А?

Беглыйй. Одежка на мне больно приметная.

Мария. Я сейчас. Сергею везу пиджак, валенки. Сейчас. *(Достаёт сверток.)*

Беглыйй *(переодевается)*. Ну, пошли, барышня.

Мария. Позвольте вам денег...

Беглыйй. Пока сторгуемся — заоченеем.

Уходят.

Занавес.

Картина пятая

Камера. Сверху пробивается свет.

Волконский (*пишет*). «...Ангел мой Машенька! При горестной моей судьбе я уверен, что хотя я один виновник твоих несчастий, но не могу быть чужд твоему сердцу, и что по твоей привязанности ко мне ты только и мыслишь о том, как бы принести мне утешение. Сколь ни сладостно мне сие чувство, столь свойственное твоей душе, я поставляю, однако, себе священной обязанностью описать по истине и в подробности, каково мое теперешнее положение... Тебе должно быть уже известно, что я не нахожусь более в окрестностях Иркутска, а в Нерчинских заводах, при Благодатском руднике. Дни провожу в тягостных упражнениях, а часы отдохновения в тесном жилище и всегда нахожусь под крепчайшим надзором, меры которого строже, нежели во время моего заключения в крепости.

Тихо открылась дверь, кто-то вошел в камеру.

Голос Марии. Боже мой, как здесь темно.

Волконский. Кто там?

Голос Марии. Я ничего не вижу.

Волконский. Мне показалось или это в самом деле ее голос?

Голос Марии. Куда вы меня толкаете? Здесь никого нет.

Волконский (*тихо*). Маша?

Голос Марии. Сережа, ты где?

Волконский. Маша!

Появилась Мария, он рванулся к ней, но цепи сдержали его.

Мария. Сережа! (*Остановилась, пораженная, потом упала на колени и припала к его кандалам.*)

Волконский. Маша...

Мария. Мой родной! Я никогда не думала, что ты... что тебя...

Волконский. Встань.

Мария. Сила твоего страдания... Как это должно быть мучительно!

Волконский. Главное, ты здесь...

Мария. Значит, государственный преступник, как и простой каторжник?..

Волконский. Машенька! Я не верю своим глазам? Не сон ли это?

М а р и я. Чтоб скорей добраться до тебя, я двадцать дней и ночей ехала сюда.

Волконский сдерживает кашель.

Бедный мой Сергей.

В о л к о н с к и й. Горестно было умереть в Сибири в одиночестве...

М а р и я. Я рядом, Сергей.

В о л к о н с к и й. Врозь мы, как все люди,— пылинки. Теперь же наши кости грудой могут быть памятником нашего великого дела.

М а р и я. Я много терпела, чтоб достичь своей цели. Теперь все позади, и мы вместе.

В о л к о н с к и й. Без тебя пыл моей души истощался. Но теперь появилась ты, и как будто свежий ветер дунул мне в лицо, и моя душевная ладья вновь поднимается на гребень волны.

М а р и я. Родной мой, сколько надо было душевных мук перетерпеть, чтоб добиться своего, и теперь все-все позади! *(Достала лист бумаги.)*

В о л к о н с к и й *(прочел)*. «Во глубине сибирских руд...»

М а р и я. Пушкин. На вечере у Зинаиды Александровны. Они провожали меня...

И будто кто коснулся натянутой струны — стих зазвучал и понесся вдаль, в глубину камер.

В о л к о н с к и й. Добрый Пушкин, он и здесь не забыл про нас.

М а р и я. Весной обещался приехать сюда.

В о л к о н с к и й. Рано иль поздно, Маша, ум, честность и добродетель возьмут верх над всем темным.

Из глубины сцены, нарастая, приближается голос: звучат стихи Одоевского «Струн вещей пламенные звуки». Свет постепенно заливает камеру. Мария и Волконский стоят, смотрят друг на друга и, как это часто бывает при первой встрече, сказать есть что, но не знают как, только смотрят друг на друга, улыбаются, плачут, плачут, улыбаются и молчат.

З а н а в е с.